

Коновалов И.В. Завьялов Н.И.

Православный колокольный звон

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Содержание

Предисловие

Колокола

Н. Завьялов Краткая история колокола

И. Коновалов Архитектура колокола

И. Коновалов Оформление колоколов

И. Коновалов Отливка колоколов

Колоколонесущие сооружения

И. Коновалов Колокольни и звонницы Русской Православной Церкви

Звоны

В. Ильин Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона

Н. Завьялов Об уставных звонах

Звонари

И. Коновалов Колокола и звонари

С. Рыбаков Знаменитый звонарь Смагин

В. И Машков О колокольном звоне и прожитой жизни

Игумен Михеи Звон в Троице-Сергиевой Лавре

М Макаров На Даниловской колокольне

Приложение

Н.П. Розанов О времени благовеста при церквях в Москве

Молитвы перед началом звона

Молитвы во время звона

По окончании звона

Старые меры длины и веса

Предисловие

В конце 80-х годов теперь уже прошлого, XX-го века, в рамках развивающегося мелкого и среднего кооперативного производства появилась возможность отливки колоколов. Первые колокольные отливки, произведённые кооператорами, весьма слабо напоминали старинные церковные колокола. Основной задачей кооператоров было заполнение множества пустующих церковных колоколен и звонниц. Производители колокольной продукции первой волны не утруждали себя ни акустическими, ни технологическими изысканиями с целью воссоздания звучания колоколов Российских дореволюционных колоколотейных производств. Результатом этой деятельности явилась завеска многих церковных колоколен продукцией, не отличающейся ни звуковыми, ни эстетическими качествами. Первая волна современного Российского колокольного литья была подхвачена многими другими литейщиками. Поток колокольной продукции стал разнообразнее. Мастера скульптурного литья, зачастую упуская акустическую составляющую колокола, занимались украшением и полировкой внешней поверхности своих изделий; производства, имеющие своей основой акустику, нередко забывали о внешнем виде и декоре отливок. Общим недостатком почти всех направлений было то, что практически все колоколотейные производства для отливки колоколов использовали либо ту технологию, которая применялась на их производствах для других целей, либо ту или иную знакомую им технологию. Сугубо научный подход акустиков приводил к тому, что в звук колокола пытались заложить неестественные для звучания старинных русских колоколов музыкальные обертоны, что зачастую приводило к искусственному звучанию, как отдельных колоколов, так и колокольных подборов в целом. Таким образом, были применены искусственные для традиционных старинных колокольных подборов созвучия типа Ля-минор или До-мажор.

Посему современный заказчик располагает возможностью широчайшего выбора колоколов для своей колокольни или звонницы и может использовать наряду с колоколами одного производства сочетания колоколов различных производств в одном наборе.

В зависимости от различных технологий, источников сырья, художественного убранства или отсутствия такового, механической обработки поверхности колокола колеблется стоимость колокольного литья от нижнего предела 11-12 у.е. за кг до 14-15 у.е.

В случае намного более низкой стоимости литья нужно иметь в виду, что это скорее всего отход от традиционной технологии в сторону удешевления технологического процесса (литьё в землю) или использование дешёвого (загрязнённого) сырья, или уменьшение количества олова, наиболее дорогого компонента колокольной бронзы - до 11-12% (традиционная колокольная бронза содержит до 20 % олова).

Если цена на современные колокола поднимается выше 16 у.е. - до 20 и более - значит, в дело вмешиваются перекупщики колокольной продукции, именующие себя колокольными центрами и различными объединениями околоколокольной направленности. К примеру, в газете "Русский вестник" и в журнале "Русский Дом" были опубликованы статьи звонаря Московского храма Ризоположения, что на Донской улице Константина Володина о коммерческой деятельности так называемого "Московского колокольного центра", в результате которой на счетах руководителей этой организации оседают десятки тысяч долларов США. Основным принципом деятельности Общества Церковных Звонарей (далее - ОЦЗ) являются консультации для всех желающих приобрести церковные колокола и устроить полноценный звон в своём приходе или обители, ознакомление всех интересующихся с лучшими современными колоколотейными производствами. Непосредственный контакт заказчиков с литейщиками упрощает и удешевляет стоимость заказа на литьё и оборудования колокольного звона.

Первое издание книги, носившей название *"Колокольные звоны: практические рекомендации для православных, звонарей"*, которое было подготовлено специалистами *Общества церковных звонарей Московской патриархии* и вышло благодаря поддержке объединения *"Красный звон"*, имело весьма небольшой тираж и быстро разошлось с книжных прилавков. Темы по теории и истории российских колоколов и звонов были продолжены в журнале *"Русское возрождение № 72"*, который тоже трудно ныне найти в свободной продаже.

Информация первого издания была переработана, дополнена и структурирована. Настоящее издание является попыткой "заложить фундамент" системы знаний и практических навыков, необходимых людям, имеющим непосредственное отношение к православному колокольному звону. Авторы сего издания при создании и подготовке материала к изданию основывались как на многовековом опыте, почерпнутом из исторических документов о колоколах и звоне и из уст старожилков, так и на своём опыте, накопленном при обустройстве звона Московского Кремля, Храма Христа Спасителя, Данилова монастыря, множества монастырских и приходских храмов России, при консультациях по вопросам обустройства звона и преподавании в школе звонарей при ОЦЗ.

Две важных статьи „перешли" в настоящее издание без изменений: это беседы о колокольном деле двух “столпов” церковно-звонарского искусства Игумена Михея - старейшего звонаря Троице-Сергиевой Лавры и Владимира Ивановича Машкова - звонаря с более чем 70-летним стажем. Эти беседы как бы перебрасывают живой мост от звонов начала века в наши дни.

Несколько важных статей цитируют целиком известные авторские тексты:

а) статья В.Н.Ильина, опубликованная в 1930 году в Париже, авторитетно формулирующая эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона;

б) статья Розанова Н.П. "О благовестах в Москве"

в) о знаменитом звонаре А.В.Смагине - фрагмент из книги известнейшего колоколотейщика и колоколоведа Н.И.Оловянишникова "История колоколов и колоколотейное искусство".

Учитывая небывалое донныне возрождение Русской Православной Церкви по всей территории России и за рубежом, которое привело к необходимости реставрации, реконструкции и постройки множества сотен колоколен и оснащения их колоколами, издатели надеются на практическую пользу этого издания для звонарей, архитекторов и строителей колоколонесящих сооружений, для всех изучающих и преподающих предметы, связанные с православным колокольным звоном. Редакция ОЦЗ надеется в дальнейшем выпустить в свет отдельные книги, дополняющие и углубляющие темы, освященные в настоящем издании.

Н. Завьялов

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

КОЛОКОЛА

У древних христиан в период гонений епископы созывали верующих к богослужению, посылая за ними в дома. Посыльные именовались лаосинактами (народособирателями)

В Иерусалимской церкви IV века архидиакон за богослужением оповещал о месте и времени следующего богослужения.

В первоначальных киновиях Египта, по словам св. Кассиана, созывали к богослужению стуком в дверь келий. Согласно с этим и в житии св. Пахомия призыв на богослужение и трапезу в его монастыре обозначается словом "ударять", потому в V веке "ударение" становится специальным термином призыва к богослужению.

В Лавсаике Палладия (V-VI в.) говорится. "Исполнивши обычный канон молитвы, он (монах Адульф) тотчас ударял будильным молотком во все келий, собирая в храмы к утреннему славословию".

Как видим, орудием оповещения того времени является *молоток для стука в двери келий*.

Конечно, это орудие не могло не преобразоваться. Удар молотка в двери - не особенно приятное на слух действие. По крайней мере, для того, кто находится внутри келий. Далеко разносящийся от этого действия звук скорее всего и послужил появлению специальных досок - бил.

Упоминания о билах имеются с VI века. Феодор, епископ Петрейский, упоминает в житии Феодосия (529 г.) о том, что при созыве на часы и литургию „ударяли в древо“.

Вот что пишет о билах в книге "Новая скрижаль" архиепископ Вениамин: *"Ударение малое, бываемое на малых вечернях, как малозвучное и глухое, означает древних пророков и только как бы сень и преобразования будущих событий; ударение великое, производимое на праздничных утрених, как звонкое и разносящееся по воздуху, знаменует во всю землю изшедшее вещание Евангелия "*.

Колокола впервые упоминаются Григорием Турским (594 г.) под именем „signa". Говорится, что епископ ирландский Дагей, будучи медных и железных дел мастером, сделал 300 колоколов (campanos). (Об употреблении их в церкви в то время сведений нет).

Следующее упоминание о колоколах, известное нам, относится к седьмому веку. В этом упоминании уже говорится, что колокола к употреблению в храме узаконил папа Савиниан. Этот факт можно считать началом использования колоколов в новозаветной Церкви.

Постепенно била вытеснялись колоколами, оставаясь ещё довольно долго в употреблении. Нередки примеры, когда колокола и била используются вместе. Например, в одном из писем Святогорца к друзьям имеется такое описание: *"Часа за два до заката солнышка начался бой в деревянную доску к наступающему всеобщему бдению; довольно долго разносились по отдаленным частям внутренняго расположения лавры слабые звуки призывной токи и замирали за обителью, на первых соседних холмах. Деревянный бой через полчаса сменился металлическим: несколько времени ударяли в чугунную доску и, наконец, отозвалась на пустынных высотах шумная игра нескольких колоколов."*

Ещё одно, довольно занятное, описание архимандрита (впоследствии епископа) Порфирия Успенского: *"Вне собора слышны были трели деревянного тока, глухие звуки била, пронзительные бряцания железного клепала, блавест в колокола и наконец - стучания во вся тяжкая, т.е. во все тяжеловесные вещи. Подобное оглушительное шаривари я слышал в Святогробском храме в Иерусалиме."* (1845 г).

Использование в прошлом бил наравне с колоколами - явление вполне обычное. В "Типиконе" часто встречается термин "клеплет". Это указывает на тот факт, что в XVII веке в России колокола и била сосуществовали довольно мирно.

В рукописном уставе Троице-Сергиевой Лавры 1645 года сказано, что в среду сырной недели *"колодят к часам в доску, а не звонят "*, а в понедельник 1-й седмицы поста *"бьют к часам в доску по обычаю и в простой колокол ударяют "*.

В России традиционные деревянные била теперь фактически не используются. Настоящие била сохранились на святой горе Афон. Там и теперь можно услышать довольно мелодичный, как говорят очевидцы, ритмически многообразный стук (клепание).

И. Коновалов

Архитектура колокола

Колокол - единственный сигнально-музыкальный инструмент, используемый Русской Православной Церковью при совершении богослужений.

За свою многовековую историю колокола в России из примитивных и мало благозвучных сигнальных инструментов переросли в весьма сложный сигнально- музыкальный инструмент, состоящий из более, чем десятка колоколов, имеющих различные назначения и играющий значительную роль в церковной, государственной и общественной жизни России.

Технически любой колокол состоит из разностенного по вертикали колпака и короны- системы крепления колокола к валу или к балке. Основное назначение колпака колокола состоит в организации звука путем построения разных видов профиля, толщины стенок, соотношений диаметров. То есть от чертежа колпака колокола будет во многом зависеть, как данный колокол зазвучит. Очень большое значение для звуковых и прочностных характеристик колокола имеет состав металла и точность соблюдения технологии отливки

Корона колокола состоит из маточника и ушей. Количество ушей бывает разным - от 2 до 8. Но наиболее часто встречаются колокола с шестью ушами двумя парными и двумя одинарными. Назначение короны, этого сложного по конструкции элемента всех российских колоколов, состоит в соответствующем распределении нагрузки веса колокола и рассредоточении этой нагрузки по нескольким центрам. Маточник, как наиболее массивная составляющая короны, имеющая в верхней части отверстие, несет на себе практически весь вес колокола. Уши предназначены препятствовать слишком сильной раскачке колоколов при звоне. *По проведенным нами замерам, ростовский колокол "Сысой" во время звона отклонялся до перевески 1989 года приблизительно на 12 мм, а после перевески - на 6-7 мм, нынешний большой колокол Троице-Сергиевой Лавры "Лебедь" отклоняется до 80 мм*

С течением времени и в зависимости от местных традиций форма короны видоизменялась. Но, примерно, с XVIII века, короны всех российских заводов становятся практически одинаковыми, с чрезмерным ростом маточника и превращением его в огромную усеченную пирамиду в конце XIX - начале XX веков, что, конечно же, ощутило прибавляло веса колоколу, никак не влиял на его звук. Внутри колпака сверху находится стальная петля для подвески языка Эта петля или серьга вставляется в форму колокола перед заливкой и, залитая бронзой, становится неотъемлемой частью колокола. Известны случаи изготовления серьги из меди (большой колокол церкви Святителя Николы, что в Кузнецках).

И. Коновалов

Оформление колоколов

По-разному украшались колокола на протяжении всей их долгой истории. В древние времена на внешней поверхности колоколов исполнялись краткие надписи имени мастера-литейщика или тексты молитв. Позже на колоколах появились пространные надписи, содержащие имена вкладчика и его семьи, краткие или развёрнутые цитаты (богослужебных текстов, исторические сведения, указывающие повод вклада. Колокола уподоблялись поминальным записям о здравии живущего вкладчика или об упокоении родных или близких вкладчику людей. Если колокол повреждался или (побивался, то и тогда он продолжал исполнять свое предназначение, становясь в результате переливки другим колоколом, порой с существенным увеличением веса

Изучение надписей и шрифтов русских колоколов выявляет факт привлечения лучших иконописцев - изографов для разработки системы размещения надписей, соединения букв в уставном письме, когда одна буква входит в другую и часть последующей буквы является составляющей предыдущей („вязь“) Удивительно красиво русские мастера располагали по высоте колоколов различные пояски и бороздки, подчеркивая тем самым изменения направления кривой профиля колокола.

При сопоставлении литой надписи на колоколе, именуемом “Никоновским” или “Чудотворцевым”, отлитым в 1420 году для Троицкого монастыря, и надписи на свитке Святого пророка Давида, находящуюся во владимирском Успенском Соборе кисти преподобного Андрея Рублева, видна рука одного и того же мастера Надпись на колоколе.

“Во славу святые и Живоначальные Троица сверится си колокол в лета благочестивого и великого князя Василия Дмитриевича и архиепископа Фотия, митрополита Киевского и всея Руси, во обитель в преподобного отца нашего Сергия, при настоятельстве отца нашего Никона игумена, в лето 6928 (1420 г.), индикта 13, месяца августа 15, на Успение Пр.”

Судя по сохранившимся колоколам XV века, это столетие больше ничего нового в оформление колоколов не внесло.

В следующем, XVI веке, продолжался рост и укрепление Великого княжества Московского, ставшего в 1547 году Российским Царством. Новый титул русского владыки обязывал государя заботиться о благоукрашении столицы. Известно, что при Царе Иване Васильевиче было построено более 60 церквей и 40 монастырей. Возрастало и значение колоколов в жизни государства. Если в начале XVI века самым тяжелым Московским благовестником был колокол в 450 пудов, то в конце столетия его вес превышал 2400 пудов. Художественному оформлению колоколов в это время уделялось особое значение.

Кроме вкладных надписей появляются орнаментальные пояса, украшающие верхнюю часть попей колоколов. Орнаментами украшаются уши колоколов. Особенно выделялись в середине XVI века псковские мастера, украшавшие свои изделия причудливыми сочетаниями трав и животных в орнаментальных поясках. Надписи на псковских колоколах размещаются даже наверху их сковороды. Классикой русского колоколотейного искусства, бесспорно, стал век XVII, когда русские мастера вырабатывают свой, присущий только России колокольный профиль. Профиль, который с небольшими изменениями просуществовал до XX века. Предыдущему XVI столетию во

многим были присущи поиски своих русских путей и форм в иконописи, архитектуре и прочих видах прикладного искусства. Именно это время создает бессмертные шедевры зодчества, такие как Храм Вознесения Господня в селе Коломенском и Покровский собор на Рву - „Василий Блаженный". Профили русских колоколов этого времени также весьма различны: от вытянутых, несколько даже ведрообразных до широких, приземистых с нижним диаметром большим, чем общая высота колокола с ушами.

После страшного разорения России в начале XVII века и ухода великого мастера-литейщика Андрея Чехова в Россию вновь приглашается немецкий мастер Ганс Фальк. Ему в 40-е годы XVII века поручаются ответственные правительственные заказы. Но в то же время русские мастера, такие, как Данила Матвеев и Емельян Данилов, работавшие на московском Пушечном дворе, соперничают с Фальком и в конце концов не Фальку, а Емельяну Данилову поручают отлить колокол „весом о 8000 пудов". В этом соревновании с Западноевропейским мастером рождается тот оригинальный, ни на что не похожий русский колокольный профиль, рождается удивительно мягкий, бархатистый и благородный голос российских колоколов, так отличающийся от их крикливых и пронзительно-резких западных собратьев.

Мастера XVII века удивительно чувствовали красоту профиля колоколов. Они старались не перегружать их чрезмерно пышными и высокорельефными украшениями. Основными в оформлении колоколов остаются поперечные орнаментальные пояски, валики, травяные орнаменты и надписи.

Поля колоколов мастера оставляют пустыми. Украшения располагаются сверху колоколов между верхними поясками или в самом низу, на валу - самой толстой части колоколов, где они меньше всего могут влиять на звук.

Единым производителем колоколов в XVII веке был московский Пушечный двор, который исполнял заказы только своего хозяина - Российского Государя. Известны случаи, когда отлитые на Пушечном дворе колокола других заказчиков в конечном счете оказывались на кремлевских колокольных. Известно, сколько мастеров работало на этом предприятии по царским заказам, среди которых большую долю составляла отливка орудий различных калибров для множества русских городов-крепостей. Недаром Андрей Чехов подписывался на своих колоколах, как “пушечной литец". Основным отличием русского колоколотейного дела XVII века стало основание в Москве первого частного литейного производства, организованного знаменитыми колоколотейщиками Моториными, работавшими прежде на государевом пушечнолитейном дворе, династия которых ознаменовала собой расцвет сверхтяжелого цветного литья в России. Основателем династии был литейных дел мастер Федор Дмитриевич Моторин. Федора Моторика сменил его сын Иван Федорович, а наследовавший ему Михаил Иванович Моторин прославился отливкой знаменитого кремлевского Царь-колокола, вес которого достигает 202 тонн, и не вина мастера в том, что московский великан повредили во время пожара 29 мая 1737 года. Колокола династии Моториных и сейчас можно слышать в Москве на колокольне Ивана Великого

в Московском Кремле, на колокольне Храма Василия Блаженного, в Вологде на колокольне Софийского собора и других местах. На протяжении веков менялись владельцы завода. В последствии заводом владели Ассон Струговщиков, Никифор Калинин, Михаил Богданов (перелил Большой Успенский колокол Московского Кремля). Богдановым в 1859 г. наследуют купцы Финляндские. Н.Д. Финляндский выигрывает конкурс на право отлить колокола для Храма Христа Спасителя.

Исторические исследования показали, что колокола московского производства возглавляли звон наиболее замечательных колоколен и звонниц российских монастырей и храмов.

Колокола массовой отливки XVIII - начала XIX веков практически повторяли своих предшественников. Исключение составляли правительственные заказы. В этом смысле уникален московский „Царь-Колокол“, в котором литейщик М.И. Моторин создал только профиль колокола и разместил пояски. В прочем же украшении гиганта участвовали мастера-профессионалы “скульптурных и пьедестальных” дел. Они же разрабатывали общий вид колокола и рисунок отдельных деталей.

Свой вклад в украшения колоколов внесли колокола Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и особенно московского Храма Христа Спасителя, где над внешним оформлением колоколов трудились архитекторы возводимых соборов. Колокола Храма Христа Спасителя имели оригинальное художественное оформление, не встречавшееся прежде на колоколах завода Финляндского и не повторявшееся позже. Вполне возможно, оно выполнено кем-либо из помощников или под прямым руководством главного архитектора Храма Константина Андреевича Тона. Сделать такой вывод позволяют исследования орнаментального убранства как самого Храма, так и элементов декора некоторых других сооружений, возводившихся в то время в Москве по проектам К.А. Тона (Большой Кремлевский дворец и проч.).

Колокола Храма Христа Спасителя надолго стали образцами для подражания среди многочисленных русских колоколотейных производств.

С них копировались элементы украшений и воспроизводились надписи. Текст надписи большого колокола Храма *“Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу”* прочно занял свое место в верхних поясках многих русских колоколов.

И. Коновалов

Отливка колоколов

Технология отливки

Технологический процесс отливки колоколов достаточно полно описан в мировой и старой русской литературе, посвященной различным техническим и производственным вопросам. Дошли до наших дней некоторые ранние описания европейской технологии колокольного литья, относящиеся к эпохе средневековья. Ныне в России вновь льют колокола. Возрождение Русской Церкви потянуло за собой, казалось, из небытия многие полузабытые ремесла. Колокол - предмет весьма многосторонний, соединяющий в себе только ему одному присущий особенный звук, рожденный сочетанием формы и сплава, *внешнее оформление*, состоящее из различных рельефных изображений, поясков, бороздок и надписей и при всем этом обладающий необходимой механической прочностью. При создании колоколов мастера решали целый ряд проблем, составляющих некое подобие запутанного клубка. Считается, что *повышенное содержание олова, составляющего наряду с медью колокольный сплав, улучшает звуковые качества*

колокола, но при том делает бронзу хрупкой, что приводит к быстрой потере колокола. Некоторые колокола с повышенным процентом олова (более 20%) имеют резкий, пронзительный, кричащий звук, что не слишком приятно для слуха. Что же касается внешнего оформления колоколов, то на вопрос, должен ли колокол быть чем-то украшен, можно ответить и да, и нет. Да - потому что православный храм являет средоточие всего наиболее духовно прекрасного. На протяжении веков все без исключения богослужебные предметы, создаваемые мастерами, украшались с примерным трудолюбием и изяществом. И нет - потому что рельефные изображения Святых и иконы, отливаемые на внешней поверхности колоколов видят только звонари и немногие посетители колоколен. Тем более, что многочисленные следы посещения колоколен птицами вряд ли вызовут у кого-либо благочестивые мысли. Очевидно, вопрос украшений колоколов лежит в плоскости вкуса заказчика и уровня художественного воспитания мастера. Несравненный вклад в украшательство колоколов внес век XIX, особенно его вторая половина, когда внешнюю поверхность колоколов протачивали на некоем подобии современных карусельных станков, серебрили, золотили и покрывали бронзовой пудрой. А всевозможные священные изображения и орнаментальные пояса покрывали собой всю свободную поверхность колоколов, искажая их профиль.

Процесс рождения колокола напоминает появление на свет живого существа. На качество отливки после заполнения формы металлом никак не возможно повлиять. Если при создании иконы мастер видит какие-либо огрехи, он может их тотчас исправить. Вносятся коррективы в процессе строительства храма. При неудачной отливке рельефных деталей или украшений из той же бронзы существует множество способов исправлений внешнего вида изделия. С колоколами - совершенно иначе. Часто единственным способом исправить неудачную отливку является ее уничтожение и переливка. Так было всегда. И, порой, ни опыт мастера, даже выдающегося литейщика, ни устоявшиеся традиции не помогали. Неудачи преследовали даже Александра Григорьева - мастера, создавшего один из самых благозвучных колоколов России. Только со второй попытки ему удалось отлить большой колокол для Саввино-Сторожевского монастыря. Московский „Царь-колокол" отлился тоже не с первого раза

Технология колоколотейного производства, основанного на Руси как первое крупное промышленное государственное предприятие в конце XV века (московский Пушечный двор на Неглинке) итальянскими мастерами, была с успехом воспринята их талантливыми русскими учениками, превзошедшими своих наставников по весам и благозвучию колоколов и мало чем отличалась от той, которая применялась на российских колоколотейных производствах в начале XX века. Развитие европейской науки в XVIII-XIX веках привело к усовершенствованию технологических процессов, появлению ранее неизвестных измерительных приборов, что позволило применить их в колоколотейном производстве. Наряду с возможностью более точного замера состава и веса металла колоколов протоиереем отцом Аристархом Израилевым был изобретен прибор для точного определения звучания колоколов. Сохранилось достаточно много статей и изданий с описаниями технологий тяжелого цветного, в том числе и колокольного, литья. При настоящем кратком описании процесса отливки мы будем ориентироваться на наиболее интересное, с нашей точки зрения, издание - книгу Николая Ивановича Оловянишникова “История колоколов и колоколотейное искусство” (Москва, 1912г.). “История колоколов...” до сих пор является наиболее фундаментальным описанием технологии и историческим исследованием, посвященным российским и зарубежным колоколам. Бесспорную значимость именно этому изданию придает то, что автор одновременно являлся руководителем одного из лучших колоколотейных предприятий России. Завод Оловянишниковых имел государственные награды, дипломы и медали различных российских и зарубежных выставок и ярмарок. Описанный в книге способ

построения профиля колоколов и технология отливки дали на практике замечательные результаты. Об этом свидетельствуют колокола завода, сохранившиеся во множестве на российских и зарубежных колокольных заводах среди коих самый тяжелый - известный нам пятисотпудовый колокол, находящийся на колокольной церкви села Левашово, стоящего между Костромой и Ярославлем.

Главное достоинство колокола - его *благозвучие*. Отлить колокол в требуемый тон и нужного веса не легко, хотя существуют различные правила постройки. Даже опытному мастеру не всегда удается вполне удовлетворить всем требованиям. Много зависит от состава металла. Мастеру очень часто предъявляются требования, чтобы с наименьшим количеством металла достичь нужного тона колокола, благозвучности и его прочности.

Металл

Для отливки колоколов применяется сплав из меди и олова, который называют "*колокольная бронза*" или "*колокольный металл*". В отличие от сплава меди с цинком (латуни), из которой отливаются корабельные сигнальные звукоиздатели - рынды. *Колокольная бронза обычно содержит около 20% олова и 80% меди*

Медь - металл достаточно мягкий, имеет характерный красноватый цвет, обладает ковкостью, пластичен. Температура плавления меди -1084 градуса по Цельсию.

Олово - металл мягкий, белый с серебристым блеском. Температура плавления олова 228 градусов по Цельсию.

Колокольная бронза - сплав твердый, хрупкий, имеет характерный серебристый излом. Температура плавления колокольной бронзы - 880 градусов по Цельсию.

Колокольную бронзу еще называют *высокооловянистой*, в отличие от других бронз (скульптурной, пушечной), содержащих меньший процент олова и другие добавки.

Распространенный в народе взгляд, будто бы примесь серебра улучшает звук, совершенно ошибочен. Известные по своему приятному звуку колокола, в которых предполагалось значительное количество серебра, не дали при химическом анализе ни малейших его следов. Так, например, знаменитый колокол "Ropeni", который, как предполагали, должен содержать золото и серебро, дал при анализе: меди-71%, олова- 26%, железа-1,2%, цинка-1,2%.

Медь для колоколов должна быть как можно более чистой, без примесей. Тогда при известном профиле и количестве металла можно более точно рассчитать звук колокола, что стало особенно важно с конца XIX века, когда для многих возводимых в России и за границей новых церквей требовалось большое количество колоколов, составлявших цельный подбор - „звон". Это, конечно же, усложнило работу колокольных заводов в сравнении с более ранними временами, когда перед мастерами ставилась задача отливки колокола с заданным весом и украшениями (например, см. договор В.Н.Короткова с П.Н. Финляндским на отливку колоколов для Храма Христа Спасителя в Москве, при котором последнему ставилось задачей отлить 14 колоколов с определенными изображениями, надписями и орнаментами).

На практике современного российского колокольного литья видно, что некоторые изменения в составе и технологии приготовления колокольного сплава ведут к отклонению в звуке колоколов одного и того же веса и формы порой до целого тона, что затрудняет отливку колокольного подбора. На некоторых производствах такие несоответствия в созвучии колоколов исправляют путем подстройки. Мнение о яко бы неправославном и недуховном способе создания подбора колоколов для цельного звона путем подточки является в корне неверным, потому, что подточенные в прошлом колокола звучат в подборе звона Троице-Сергиевой Лавры, есть исторические подточенные колокола на колокольных в московском Новодевичьем монастыре и в Московском Кремле. Единственно важным в вопросах подточки представляется сохранение прочностных свойств колоколов. Современные производства обладают различными приборами для контроля за исполнением технологического процесса. Но все же на практике приготовлением металла и заливкой колоколов руководит наиболее опытный мастер-плавильщик, который по внешним, иногда только ему известным признакам, определяет время начала заливки бронзы в подготовленную форму колокола.

Профиль

Одним из главных факторов, определяющих звучание будущего колокола, является его профиль. То есть от линий чертежа, по которому изготавливают *доски* или *лекала*, служащие для откручивания внутренней (*болвана* или *стержня*) и внешней (*фальшколокола*) форм колокола, будет зависеть основной тон и обертоны проектируемого колокола.

Н.И. Оловянишников в книге "История колоколов и колоколотейное искусство" пишет, ч к) для построения профиля колокола проводят пинию В - Г, которая делится на 12 частей, равных одному „Боя” (Бой или боевая часть равен $1/14$ диаметра и максимальной толщине стенки колокола). Из каждой полученной точки восстанавливаются перпендикуляры, на которых откладывают расстояния от точек с 1 по 12 на линии В - Г до точек 1А, 1Б; 2А, 2Б и так далее. Расстояния 1А, 1Б; 2А, 2Б...12А, 12Б определяются соответствующими частями Боя. Затем все полученные точки соединяют между собой, скругляя углы. Расстояние от точки В до 10,5 загиба плеча называют *вышиной колокола*. Этой величиной практики определяют диаметр колокола: из вышины колокола вычитают третью часть и остаток умножат на 2. Получаем, что боевая часть равняется $1/14$ диаметра. Часть колокола от деления 10,5 до Д называется *плечо*, которое равно $1/10$ вышины, то есть около 1 боя, затем идет *шейка*, равная $1/20$ вышины до точки Е, которую называют *стрелкой*, за ней следует *сковорода*.

Перед тем, как дать примерное описание способа построения профиля колоколов Н.И. Оловянишников замечает, что обычно мастера держат профиль своих колоколов в секрете, что вполне понятно, так как именно профиль определяет организацию звука того или иного колокола. Такая практика сохраняется и поныне. Автору этих строк приходилось знакомиться с современными Российскими и зарубежными колоколотейными производствами.

Высота *ушей* (система подвески колокола к балке) считается $1/5$ вышины колокола, т.е. почти 2 боя. Русские мастера при постройке профиля колокола руководствуются размером, именуемым *перечень*, который равен боевой части.

Современные российские мастера при расчете профилей своих колоколов, зачастую упускают из виду фразу Оловянишникова о секрете и при отливке выходит совершенно

различное по форме колокольное литье, хотя построения велись точно по описанию. Учитывая последнее, мы сознательно не даем те дробы частей Боя, которыми определяется профиль колокола, но даем абсолютно точный чертеж профиля оловянишниковского колокола, весом в 1 пуд 23 фунта (пуд = 16,38 кг, гривенка-фунт = 409 г), построенного на основе точного ишерения геометрии старинного колокола.

Формовка колокола

По окончании всей чертежной работы, согласно чертежу из дерева выпиливаются шаблоны или *доски*: одна для внутренней формы колокола-болвана или стержня, другая для внешней формы-фальшколокола.

Кратко процесс *формовки* колокола выглядит так. На свободно вращающийся закрепленный сверху и снизу стержень-веретено устанавливается и закрепляется первая доска, при помощи которой образуется внутренняя форма колокола или болван. Болван формуют на стопе - круглом основании, большем, чем диаметр будущей формы. Болван сначала выкладывается из рядов кирпичей без перевязки на глиняном растворе, затем окончательно из глины, постоянно сверяясь с доской. Проводя шаблоном, снимают лишнюю массу глины. При формовке колокола глина наносится слоями. Каждый слой просушивается огнем, для чего внутри стопы оставляется полость, в которой разводят огонь. Высушенный болван смазывается салом, чтобы получить промежуточный слой. После этого на веретено закрепляется вторая доска-шаблон для фальшивого колокола, который откручивается таким же образом. Фальшколокол просушивается и на его поверхность наносятся выполненные из воска с необходимыми для пластичности добавками рельефные изображения, орнаментальные пояски и надписи. По окончании художественного оформления фальшколокола его внешняя поверхность также смазывается салом, и на нее слой за слоем наносится формовочная глина, в которую между слоями вставляются металлические крючья для подъема формы и обручи для прочности. По достижении необходимой толщины и прочности внешней формы под болваном, в стопе снова разводят огонь, чтобы расплавились восковые детали украшений. Тогда при помощи подъемника поднимается внешняя форма и мастера осторожно удаляют фальшколокол с болвана. Так между болваном и внешней формой образуется пустота, в которую позже заливается бронза. После этого внешняя форма снова опускается на болван и скрепляется с ним. Поверх полученной формы колокола устанавливается форма короны колокола, образованная из глиняной массы с пустотами в форме маточника и ушей. Уши колоколов бывают различных фасонов и рисунков, с украшениями и без них. Русские мастера XVI века украшали уши своих колоколов растительным и геометрическим орнаментом. Обычно восковые уши, отлитые в гипсовые формы, обмазываются формовочной глиной. При просушке воск вытекает, и остается глиняная форма. Таких форм должно быть изготовлено по количеству ушей будущего колокола от 2 до 6 или 8 на колоколах более 2000 пудов. Затем форма ушей приставляется к форме маточника - центральной пирамиде и вся эта конструкция вместе заформовывается и составляет целую форму короны. Вверху короны оставляются два отверстия: литник для заливки металла и выпар для выхода воздуха. Если колокол невелик, то его формуют наверху перед ямой. Большие колокола формуются непосредственно в литейной яме.

Литейная яма - принадлежность любого колокололитейного производства. Она располагается рядом с литейной печью. Отверстие в печи, из которого поступает металл, должно быть чуть выше литника и выпара на форме колокола, чтобы металл стекал в

форму спокойно, без особого усилия. Размещение литейной формы в яме не только удобно с точки зрения простоты заливки металла, но и необходимо из соображений безопасности, так как были случаи прорыва формы металлом.

После заливки должно пройти некоторое время для полного остывания колокола, после чего колокол поднимают из ямы при помощи крана, очищают внутреннюю и расчеканивают внешнюю поверхность. Здесь же, на заводе, готовые колокола подвешиваются на балки и производят пробный звон.

Колоколонесущие сооружения

И. Коновалов

Колокольни и звонницы Русской Православной Церкви

Для размещения колоколов и производства колокольных звонов в России строились различные колоколонесущие сооружения (КНС). В первоначальные времена колокола могли подвешиваться на примитивных деревянных звонницах в виде перекладки, утвержденной на нескольких столбах. Позже, когда увеличилось количество и возрос вес колоколов, возникла необходимость в появлении сложных колоколонесущих сооружений, возводимых в непосредственной близости от храмов на собственном фундаменте. Колоколонесущие сооружения развивались и трансформировались в соответствии с увеличением веса и количества колоколов и развитием

Колоколонесущие сооружения самих колокольных звонов. По началу примитивные приспособления для развески немногочисленных колоколов переросли в выдающееся явление в русской и мировой архитектуре. Мы не ставим себе целью исчерпывающее описание колоколен и звонниц с точки зрения архитектуры как науки. Наша цель лежит в плоскости изучения колоколонесущих сооружений как памятников церковно-звонарского искусства, столь же важного для общества, как и другие церковные искусства.

Ныне, когда по всей России и за рубежом реставрируются и воссоздаются прежде порушенные храмы и колокольни, строятся сотни новых церквей и колоколен, у архитекторов возникает множество вопросов по приспособлению колоколен для их непосредственной функции - исполнения церковного колокольного звона. При работе над проектами новых колоколен для многочисленных возводимых ныне храмов архитектор должен учитывать некоторые факторы, от которых во многом зависит качество исполняемых на них колокольных звонов. Основное - это достаточно широкие и высокие арки яруса звона, на котором размещаются колокола. Далее при воссоздании утраченных колоколен или их частей нужно учитывать, что предпочтительным является сколько возможное увеличение арок по высоте, в пределах допуска чертежа. В условиях современного города и городского шума нужно так, что колокол тем дальше будет слышен, чем выше он будет находиться. Поэтому размещать колоколонесущие балки в арках яруса звона колоколен нужно как можно выше.

Деревянные колоколонесущие сооружения.

В самых ранних русских летописных и иных изобразительных источниках во множестве описываются и изображаются различные деревянные церкви и колокольни.

При необходимости постройки многочисленных церквей, часовен и колоколен и при имевшемся огромном запасе деревянного строительного материала возведение храмов из дерева на Руси было относительно легко осуществимо и недорого по стоимости. Так в названиях некоторых церквей встречается уточнение "обыденная", то есть сооруженная об (в) один день. Деревянные колокольни строились отдельно от храмов или возводились вместе с храмом над западным входом. На русском севере известны многочисленные случаи возведения колоколен при часовнях. Исторически деревянных колоколонесущих сооружений насчитывалось три вида:

- а) примитивные звонницы в виде двух столбов с перекладиной или в виде одного столба с крестообразной поперечиной, на которой подвешивались колокола совсем малых весов,
- б) столбчатые колокольни,
- в) срубные колокольни

Ныне, когда все чаще возводятся новые храмы из дерева, необходимо остановиться на основных принципах размещения колоколов и оборудовании колокольного звона на различных деревянных колокольнях и звонницах. Для решения вопроса об оснащении деревянной колокольни колоколами необходимо учитывать следующее: колоколонесущая способность деревянных колоколен намного ниже, чем у каменных сооружений. Поэтому вес большого благовестного колокола на прежних деревянных колокольнях обычно не превышал 50 - 60 пудов. По счастливой случайности весь колокольный подбор („звон") сохранился и доступен для изучения на колокольне деревянного храма Иоанна Богослова, что на реке Ишне недалеко от Ростова Великого. Все четыре колокола храма размещены в западной части колокольни, что привело со временем к общему перекосу сооружения. Поэтому при развеске колоколов на деревянной колокольне необходимо равномерно распределить общий вес колокольного набора с тем, чтобы в дальнейшем исключить возможность перекоса здания

Приведем наиболее распространенный пример сооружаемых ныне деревянных колоколен. Это *восьмигранная колокольня с опорным столбом посередине*. В этом случае необходимо весь колокольный подбор - „звон" расположить по прямой линии. При этом один или два больших колокола разместить по одну, а все прочие колокола по другую сторону от опорного столба, учитывая, что вес колоколов как с одной, так и с другой стороны опорного столба должен быть примерно одинаков. Если приобретать колокольный подбор на производстве, которое занимается вопросами состава звона количественно и по созвучию, то в колокольном подборе, сформированном на основе традиции, вес большого благовестного колокола будет равен весу всех остальных колоколов.

Колокола на деревянных шатровых колокольнях подвешиваются к брускам, образующим конструкции в основании шатра или на специально врубленных балках, установленных между центральным и периферийными столбами колокольни. *Принцип развески* колоколов такой же, как и на прочих колоколонесущих сооружениях - увеличение веса колоколов справа налево.

О размещении колоколов в домонгольский период не сохранилось почти никаких данных. Хотя, судя по материалам статьи Т.Б. Шашкиной в сборнике “Колокола История и современность” (Москва, 1990 г), колокола в этот период были весьма многочисленны и уже тогда подразделялись на *вестовые* и *церковные*. Причем в пепелищах древнерусских городов находили как целые колокола, так и их фрагменты. Колокола имелись не только в столице и крупных городах, но и в малых порубежных крепостях.

Каменные колоколонесящие сооружения

На места размещения колоколов в храмах в XIII-XIV веках проливают свет некоторые археологические реконструкции и натурные исследования новгородских церквей XIII-XIV веков. Так, например, в новгородской церкви Спаса на Ковалеве в двухъярусном северном притворе в арке второго яруса располагалась балка для колоколов. Подобные двухъярусные притворы имелись во многих храмах по Руси и не только в новгородских землях. Размещение таким образом тогда еще немногочисленных колоколов было удобно с точки зрения защиты звонарей от осадков, но не совсем отвечало акустическим принципам развески колоколов, с предпочтительным полным внешним размещением. В северных русских монастырях Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом сохранились церкви XVI в., в которых колокола размещались под сводами закомар в специальных нишах. Храмы с подобным размещением звонов в элементах собственной церковной архитектуры получили именование церквей “иже под колоколы”. В церкви Архангела Гавриила (1531 -1534 гг.) Кирилло-Белозерского монастыря „звоны” (колоколоприемные ниши) были позже заложены, а в церкви Благовещения Ферапонтова монастыря звоны были отреставрированы и теперь хорошо видны места размещения колоколов. В этих случаях колокола развешивались строго по одному колоколу в каждом проеме-звоне. Высота размещения колоколов была небольшая, порядка 6-8 метров, что позволяло звонарям звонить с земли, не поднимаясь к колоколам. По старинным описям известно, что почти при каждом монастырском храме существовал свой набор колоколов, несмотря на наличие общей большой звонницы или колокольни. Мастера зодчие выкладывали столько проемов-звонов, сколько имелось или предполагалось колоколов. Колокола в подобных системах располагались по разным сторонам церкви на нескольких стенах. Звонари не видели друг друга, но для XVI века это было необязательно, так как звон в те времена представлял собой перезвоны и переборы, при которых звонари ударяли в колокола поочередно один за другим. Естественно, что с обретением большего числа колоколов и появлением ритмических звонов подобные конструкции уже не устраивали звонарей и постепенно предпочтение отдавалось отдельно стоящим звонницам и колокольням.

Звонницы

Звонница - это архитектурное колоколонесящее сооружение, в котором предпочтительно горизонтальное расположение составляющих членений.

Звонницы-стены

Еще одним направлением развития колоколо-несущих сооружений явилось сооружение

звонниц-стен - приспособлений для полного наружного размещения колоколов при церквах.

Звонницы-стены - это один из древнейших видов колоколонесущих сооружений. Они во множестве сохранились в Псково-новгородских землях. Единственной звонницей-стеной, сохранившей древний - очепной - способ раскачки больших благовестных колоколов, является большая звонница Псково-Печерского монастыря

Сохранились одноярусные и многоярусные звонницы. Принцип сооружения звонниц, как и всех прочих колоколонесущих сооружений, был одинаков. Звонница могла сооружаться с учетом заранее определенного веса и количества колоколов, или же к существующей звоннице добавлялись проемы и надстраивались ярусы с целью размещения новоприобретенных колоколов. Звонницы-стены имели широкое распространение и в московских землях.

Сохранились такие звонницы XVI века в селе Коломенском на церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, при церкви Святой Троицы в селе Вязёмы под Москвой и многих других местах.

В начале XX века с возвращением в практику строительства храмов в Русском стиле звонницы-стены вновь стали возводиться при строящихся храмах.

В старину звон на звонницах-стенах производили с земли, раскачивая колокола при помощи очепов или привязывая к языкам достаточно длинные веревки. Таким образом, звонари не имели надобности подниматься к колоколам. На многих звонницах-стенах подъём к колоколам вовсе отсутствует. Но со временем, когда звон в “языки” постепенно вытеснил очепной способ звона, появилась необходимость в лестницах, ведущих к колоколам, и в звонарских помостах - площадках для обустройства системы звона, что и видно на многих сохранившихся звонницах или на старинных изображениях церквей со звонницами.

Колокола на звонницах-стенах лучше всего размещать так, чтобы было возможно подвести тяги от языков к единому центру и удобно было бы звонить одному или двум звонарям.

Звонницы-галереи или палатные звонницы.

В середине-конце XVII века получили широкое распространение звонницы - галереи или палатные звонницы. Одним из примеров для подражания при сооружении палатных звонниц послужила Успенская звонница Московского Кремля, сооруженная в окончательном варианте в конце XVII века.

Палатные звонницы предполагали наличие в звоне сверхтяжелых благовестных колоколов, весом 1000 пудов и более. Так, великая Успенская звонница в Московском Кремле несла на себе Большой Успенский Царь-колокол в 8000 пудов, который, предположительно, был очепным, двух-тысячепудовый “Реут”, тысячепудовый “Воскресный”.

Колокола на палатных звонницах могли иметь различное расположение. Приведем несколько наиболее часто встречающихся планов развески колоколов на ярусах звона палатных звонниц.

Первый (см. рис. 1) - по центру звонницы на утвержденных в поперечных стенах балках (Московский Кремль, звонница Ростовского Успенского Собора).

Второй - на балках (см. рис. 2), утвержденных в арках между столбами звонницы. (Судим по сохранившимся дубовым балкам на звоннице Толгского монастыря).

Третий способ (см. рис. 3) предполагал объединение на одной звоннице двух первых вариантов (звонница Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, звонница Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря).

Колокольни

Колокольня - это архитектурное колоколонесущее сооружение, в котором предпочтительно вертикальное расположение составляющих членений.

Колокольни бывают *одноярусные* и *многоярусные* по вертикали, квадратные, восьмигранные или круглые в плане.

Столпообразные колокольни

Первой и самой известной каменной столпообразной колокольней является возведенная в самом начале XVI века в подмосковном селе Коломенском колокольня при церкви Вознесения, которая позже, при основании в ее нижнем помещении престола в честь Великомученика Георгия, стала церковью "иже под колоколы" В 1505-1508 гг в Московском

Кремле строится церковь Иоанна Лествичника, знаменитая колокольня.

Одной из древнейших русских многоярусных шатровых колоколен является построенная в 70-е годы XVI века в Александровой слободе церковь во имя Распятия Господня (65 метров). Самый распространенный тип шатровых колоколен - это одноярусные (говоря о ярусах, мы имеем в виду ярусы звона, а не отвлеченные архитектурные членения в виде всевозможных валиков и карнизов). Наиболее распространенным типом колоколен является ставшая классической одноярусная восьмигранная шатровая колокольня. В XVII веке трудно представить себе русскую церковь без восьмигранного шатра над западным входом в храм Шатровая колоколенка являлась почти неотъемлемой частью среднерусского пейзажа. Именно такая церковь и колокольня изображены на полотне Саврасова "Грачи прилетели".

Многоярусные колокольни

Изредка строились многоярусные шатровые колокольни, хотя вторые шатры, расположенные над основным ярусом звона, как правило, колоколов не имели и играли декоративную роль.

Известным случаем исключения, когда колокола в шатровых колокольнях подвешивались в два яруса, является колокольня при малом (старом) соборе Донского монастыря в Москве, где в слуховых окнах, расположенных в гранях шатра над ярусом звона, имеются деревянные балки для подвески колоколов.

В конце XVII века (1680 -1690 гг.) с появлением в России нового архитектурного стиля, позже названного “Русским, нарышкинским, московским барокко”, полумногоярусные столпообразные восьмигранные сооружения. Такие колокольни могли сооружаться над храмом, или входить частью в какую-либо более раннюю систему, или возводиться над входом в монастырь. Наиболее известны из них это надвратная колокольня Высоко-Петровского и Андреевского монастырей (нач.XVIII в) в Москве и колокольня Пафнутьева-Боровского монастыря 1688 г. Основным отличием этих столпообразных колоколен является отсутствие внутреннего свода или перекрытия между ярусами звона и завершение колоколен главой на барабане, поставленном над сводом. Диаметры верхних ярусов этих колоколен обычно равны по размерам диаметрам нижних ярусов, то есть поэтажное расположение ярусов звона не обязательно предполагает уменьшение верхних ярусов колоколен. Несмотря на два яруса арок колокола для звона в столпообразных колокольнях развешивались, как правило, в нижнем ярусе, за исключением тех случаев, когда колокола для курантов размещались в арках верхнего яруса. Наряду с большими (40-50 метров) отдельно стоящими столпообразными колокольнями возводились и малые столпообразные колокольни, входившие в комплекс храма. Известны колокольни, возведенные над западным входом в церковь и над галереей в северо-западном углу. В отличие от отдельно стоящих столпообразных колоколен малые обычно имели только один ярус открытых арок звона, тогда как нижний ярус был оформлен окнами с наличниками.

С привнесением на русскую почву Западноевропейской культуры в русских монастырских, храмовых и городских архитектурных ансамблях во множестве стали появляться барочные и классические многоярусные колокольни. Одной из самых известных колоколен XVIII века стала большая колокольня Троице-Сергиевой Лавры, где на массивном первом ярусе возведены еще четыре колоколонесящих объема. Во втором ярусе (апартамента) располагались три больших благовестника “Царь” 4000 пудов, “Годунов” 1200 пудов и “Корноухий” 1017 пудов. Весь основной звон размещался в третьем ярусе (там он размещается и поныне). Выше, на четвертом ярусе, одиноко висит колокол „Переспор”, он же „Часовой”. О пятом ярусе сказано, что там находятся колокола один по весу наподобие “Никоновского” (ок. 30 пудов), прочие же все мелкие. Все колокола этого яруса не действовали. Из истории звонов Лавры известно, что после развески всех колоколов на колокольне звонить слаженно, в ритме благовестника было невозможно. Есть даже упоминание о визите митрополита Платона Левшина, при котором были завершены работы по обустройству Лаврской колокольни, в Ростов Великий Преосвященному очень понравились звоны ростовских звонарей, и он имел желание завести у себя такие же. Но из-за поярусной развески колоколов на Лаврской колокольне это не могло быть осуществлено. Тогда бы па сконструирована и построена машина, производящая звон в колокола первого яруса звона при помощи тяжелых молотов, но машина оказалась столь тяжелой, что грозила сохранности сводов колокольни. По этой причине она была разобрана, и к колоколам вновь привесили языки (1760 год).

Если было возможно, то все колокола на многоярусных колокольнях старались вешать в одном из верхних ярусов. Так было на колокольне Богоявленского собора в Елохове. Тогда звон получался слаженный в едином ритме благовестника, красивый и мощный. Если же колокола находились на разных ярусах, то звон получался разнорядный, "ералашный". Часто звонари, пытаясь устроить звон в едином ритме на разных ярусах, применяли различные нехитрые приспособления. В Троице-Сергиевой Лавре, например, язык колокола „Переспор" при помощи блока подведен на нижний ярус звона к прочим колоколам. Известно, что в Серафимо-Дивеевском монастыре ритм большого благовестника также передавался к зазвонным колоколам при помощи педали.

ЗВОНЫ

В. Ильин

Эстетический и Литургический смысл колокольного звона

Париж. Февраль 1930 г

Тьмолюбивый дух действует в русской революции с самого зачатия ее. Ныне с особенной ненавистью обрушился он на колокола и колокольный звон. Трудно найти явление более символическое, чем этот вызов, брошенный небесам. На философском языке можно было бы окрестить одержимость революционеров как предельный психологизм: воспаленная, безумная, бредовая голова и холодное, жестокое, глухое сердце. Это состояние — полная противоположность духовности, которая характеризуется холодной, ясной головой и любящим, горячим сердцем. В этом смысле колокольный звон есть символ церковной духовности. Холодный металл, отлитый по правилам искусства, прорезывая своими колебаниями слои воздуха, отзывается в человеческом сердце высокими, чистыми голосами — духовно согревает его.

Вибрации колокольного звона создают в мире духовно-материальном те же образы, что пронизывающий слои эфира свет солнца и сияние свечей и паникадил.

Однако основной чистый замысел колокольного звона подвергался в истории церковного искусства недолжным перетолкованиям и даже искажениям.

Существует два стиля колокольного звона. Первый заключается в том, что настроенные точно в современную темперированную гамму, колокола дают мелодический рисунок какой-либо готовой темы, причем ритм звона естественно соответствует этой теме, играя либо составную, либо подчиненную роль. Это же придется сказать и про специфический тембр колокола. Иногда мелодический рисунок состоит в повторении какой-либо несложной фигуры или интервала (большой частью — малой терции либо мажорного трезвучия). Но и фигура эта, и интервал находятся в пределах темперированной гаммы, а ритм здесь так же, как и в первом случае, играет либо составную, либо подчиненную роль. Это — тип западноевропейский: его внес в Россию талантливый, но совершенно лишенный чувства русского стиля о. Аристарх Израилев (род. в 1817 г.). Основной порок западного стиля тот, что он поручает колоколам несоответствующую им задачу, которую несравненно лучше и целесообразнее поручить человеческим голосам и оркестровым

инструментам. Мелодическая фигура или даже целая мелодия на колоколе может иметь значение лишь гротеска-барокко, каковой мы и наблюдаем, например, в исполнении курантами или карильонами их мелодии. Всерьез же исполняемая на колоколах мелодия (да еще с литургическими целями) производит впечатление чего-то крайне неуместного, мертвого, фальшивого, искусственного и надуманного. Впечатление здесь аналогично производимому картинно-перспективными приемами в иконописи или, что еще хуже, — движущейся куклой или автоматом (приблизительно то же самое, как если бы задумали, например, скульптурным произведением католических храмов сообщить движение или ввести кинематограф в богослужение).

Второй стиль колокольного звона состоит в том, что на первый план выдвигается тембр, ритм и темп. Что же касается непосредственно самого звукового материала, то роль его здесь оказывается совершенно особенной. Мелодия, в собственном смысле слова (тема по интервалам диатонической или хроматической гаммы), отступает на задний план или же совершенно исчезает. Исчезает, следовательно, и гармония в специальном значении слова как результат соединения тем-мелодий (происхождение гармонии, как известно, обусловлено одновременными сочетаниями движущихся голосов в полифонических (многоголосных) произведениях; да и в современной теории композиции широкое и глубокое понимание гармоний дается только из ее полифонного генезиса). Во “втором стиле” вместо мелодий и гармоний в собственном смысле появляется ритмически звучащий, специфический тембр колокола. Тембр, как известно, обусловлен обертонами. В колоколах обертона звучат чрезвычайно громко и вследствие этого создают не только соответствующий тембр, но и характерные обертоновые диссонансы. Различный вес, размер и другие факторы в наборе колоколов дают и различные комбинации обертонов при сохранении тонов господствующих. Этим обуславливается и единство художественного замысла, проходящее через всю музыку данного набора колоколов. Эту музыку можно назвать музыкой ритмо-обертоновой или ритмо-тембровой. Заметим, кстати, что единство дается мощной массой редко звучащего на сильных временах такта большого колокола; он играет роль, аналогичную педали или органного пункта (особенно в том случае, если явно звучит определенный тон, чего, впрочем, преувеличивать не следует. Колокол всегда должен быть, так сказать, обертоново расстроен. Должны быть и обусловленные этой расстроенностью так называемые *биения* — вызывающие внушительные колебания и раскаты звука). Все это усиливается и оживляется ритмом, динамикой (силой) и аготикой (скоростью, темпом).

При таких условиях колокола играют совершенно самостоятельную роль. Их музыкально-метафизическое задание сводится к максимальному одушевлению в соответствующем роде косной, неорганической материи, высшим типом которой является, несомненно, металл. В колокольном звоне она начинает жить по-своему, но зато по-настоящему. Здесь максимально выявляется в акустико-музыкальном вибрирующем образе Платонова идея неорганической материи. Это *настоящее* звучание колокола не имеет ничего общего с манекеном поющих карильонов. И оживленная, порой даже как бы плясовая фигура колокольного звона, полная своеобразной, важной торжественности (именно вследствие сочетания оживленно-плясового ритма с мощным гулом) — есть ответ неорганической материи на божественный зов. Она принимает участие в службе Божией физическими колебаниями и волнением воздуха, организованным гармоническим шумом ритмо-тембров. Это — звучащая софийность материи.

Способны колокола давать и другие, противоположные настроения, но не разыгрыванием “печальных мелодий”, а редким, одиноким звоном малых или, лучше, средних колоколов, периодическим их совмещением на слабых временах такта.

Богословский логизм литургических текстов и стройное пение по церковным ладам, сопровождаемое колокольным шумом ритмо-тембров, дает картину подлинной иерархии ценностей. Священство — дух, народ, хор — душа, колокола — тело.

И если “мелодии”, разыгрываемые “настроенными” колоколами, напоминают попугаев, плохо произносящих непонятные им же самим человеческие слова, то ритмо-тембровый колокольный звон может быть уподоблен гомону и щебетанию птиц на птичьем, но и птицам, и людям понятном, им свойственном языке. Символически можно сказать, что ритмо-обертоновый колокольный гармонический шум понятен даже самим колоколам, хотя последнюю сущность “разума колоколов” так же, как и шум, и движение вообще неорганической материи, постигает один Господь и в Нем пребывающие святые Его. Во всяком случае, человек здесь не похищает души материи, а сотрудничает с ней на соравных началах.

Ритмо-тембровый и ритмо-обертоновый колокольный звон во всем его богатстве, великолепии и царской пышности известен одной только православной России. Следует упомянуть здесь и замечательного мастера-виртуоза этого звона Александра Васильевича Смагина (род. 1843 г.). Необычайной высоты достигла в России и техника отливки колоколов, величина которых без сравнения оставляет за собою не только Европу, но и весь мир. Первое упоминание о колоколах в русских летописях относится к 1066 г. В 1533 г. в Москве отлит был колокол-благовестник в 1000 пудов. В это же время появился и виртуозный трезвон. В 1688 г. в Ростове отлит колокол “Сысой” весом в 2000 пудов. Немного ранее, при царе Алексее Михайловиче, в 1654 г. был отлит колокол весом в 8000 пудов, но поднят он был на колокольную лишь в 1668 г. Бернгардт Таннер отмечает его художественные достоинства и грандиозность. Вследствие пожара и трещины колокол с 1701 г. “пребыл безгласен”. В 1734 г. к материалу этого колокола было прибавлено новое количество металла и искусством мастера Ивана Федоровича Моторина был отлит колокол в 12327 пудов 19 фунтов весом. Это и есть знаменитый Царь-колокол - самый большой в мире.

Вкус к колокольному звону, богатство колокольных композиций (рисунков звона) и понимание смысла того языка, которым говорит колокол, вполне соответствует высоте, глубине и красоте православно-русско и литургики, в которой колокольный звон, наряду с знаменным распевом, составляет существенный момент.

Здесь нельзя не упомянуть о чистоте и бесстрастии колокольного звона при всем его блеске, оживленности и выразительности. Его чистая духовность и непорочная, глядящаяся в самое сердце, ясность и вызвали к нему особую ненависть нечистого, немощно-страстного, рассудочно-эмоционального мелкого беса революции. Обе революции (на Западе так называемая Великая французская революция и у нас, начатая царствованием Петра I и законченная большевиками) сопровождались и сопровождаются открытым походом на колокола и, что особенно замечательно, с одними и теми же практическими целями — переливки их на пушки для защиты “революционного отечества” и на пользу, будто бы, промышленности.

Это один из вариантов приема Иуды Искаротского, который жалел миро, возливаемое на ноги грядущего на смерть Господа Иисуса, но не из любви к нищим, а потому что “был вор” (Иоан 12:6). Татями были и остались бунтовщики и революционеры — коронованные и некоронованные. Государству-зверю ненавистен чистый, ангельский голос колокола, возвещающий о “вождемленном небесном отечестве”, о “граде Божиим”. Но тем более должны любить этот язык все чающие “жизни будущего века”.

Н.Завьялов

Об уставных звонах

За период молчания колоколен почти забыт порядок и традиции церковных звонов. При попытке восстановить основной порядок звонов по “Типикону” - главной книге православного устава - автор столкнулся с тем, что указания “Типикона” в отношении звонов могут быть не всегда понятны - прошло более трёхсот лет с тех пор, как книга эта основательно редактировалась. То, что тогда было просто очевидным, в наше время уже требует особенных комментариев. Кроме того, появились новые разновидности богослужебных звонов, которые в “Типиконе” не отражены, но ставшие традиционными и теперь, наверное, уже уставными. Для облегчения в решении поставленной задачи автор обратился к книгам “Толковый Типикон” Михаила Скабаллановича и “Учебный Устав” Константина Никольского.

В книге “Толковый Типикон” протоиерей Михаил Скабалланович начал описание звонов, их истории, правил совершения, но, к сожалению, так и не продолжил эту тему.

Книга “Учебный устав” протоиерея Константина Никольского комментирует указания “Типикона” относительно уставных звонов довольно подробно, с перечислениями и ссылками, однако руководствоваться этой книгой (особенно начинающим звонарям) всё-таки не очень удобно. Используя “Типикон” и “Учебный устав” в качестве базовых книг, автор попытался изложить уставы звонов в более простой и удобной форме.

Названия колоколов

Церковные праздники бывают великие, средние и малые (подробнее об этом - в “Учебном уставе” К. Никольского). Звоны напрямую зависят от статуса службы, поэтому и колокола называют соответственно тому, в какие праздники их используют.

Праздничный колокол - самый тяжёлый по весу, используется в дни великих праздников и некоторых других особенно торжественных случаях,

Воскресный - меньший по величине, используемый в воскресные службы.

Полиелейный - в дни средних праздников, когда совершается полиелей.

Простодневный или *Будничный* - в обычные, не праздничные дни.

Постный - в период Великого Поста.

Часовой - перед чтением великопостных часов.

Кроме названий, связанных напрямую с богослужебной практикой, колокола могут носить имена или прозвища. Например: “Широкий”, “Лебедь”, “Баран” (угадывается краткая характеристика тембровой окраски их звучания). Или: “Корсунский”, “Немчин”, “Ростовский” (здесь, скорее всего, поводом к названиям послужило их происхождение).

Следует заметить, что имена и прозвища колоколов не являются значимыми для уставов звонов, их используют только в контексте названий при описаниях или других случаях, напрямую не связанных с их статусом.

Виды звонов

Существует несколько видов звона: *Благовест* - одиночные удары в большой колокол.

Трезвон - несколько одновременно звонящих колоколов,

Перезвон - поочерёдные удары (от одного до семи в каждый колокол) от большого к малым.

Перебор - по 1 удару в каждый колокол от малого к большому.

Благовест

Звон, именуемый благовестом, предназначен возвещать о предстоящем начале богослужения. Благовест “...не только оповещает о времени начала службы, но и подготавливает христиан к ней... Он, собственно, уже есть Богослужение” -говорит в “Толковом Типиконе” профессор Михаил Скабалланович. Благовест совершается, как уже говорилось выше:

в великие праздники - в праздничный колокол *перед воскресными службами* - в воскресный колокол.

Звонарю, как следует из указаний “Типикона”, перед звоном полагается брать у предстоятеля (священника, которому предстоит совершать богослужение) благословение на звон. “*Прежде солнечного захождения дне субботнего, приходит паракклесиаρχ (сиречь кандиловозжигатель) к предстоятелю и творит поклонение ему, знаменуя пришествием своим время клепания...*” (“Типикон”, гл.1).

Благословение священника определяет благовесту, равно как и другому звону, статус богослужебного действия.

Должность звонаря, как видим из указания, исполняет паракклесиаρχ - в современном варианте - пономарь, алтарник или чтец. Впрочем, в наше время звонить имеет право тот, кого благословил на это настоятель, независимо от того, принадлежит ли этот человек к разряду клириков, причетников или является просто прихожанином.

Рекомендуется звонарю во время благовеста читать непорочны (17-ю кафизму) или 12 раз 50-й псалом. “*Та же восходя ударяет в великий ком-пан не скоро, поя непорочны, или глаголя Псалом 50-й 12-ю*” (“Типикон”, гл. 2). Из этого указания следует, что продолжительность звона соответствует, примерно, 20-ти минутам. Однако теперь это время уменьшилось (из-за того, что звон теперь несёт в себе более символический, нежели практический смысл) и составляет примерно 10 минут, в начале благовеста совершают два удара в назначенный колокол до полного затухания звука, а с третьего начинают мерные удары. Интервал между ударами следует выбирать такой, чтобы он соответствовал голосу колокола, иначе звон может получиться заунывный (если удары слишком редки), или тревожный (в случае очень частых ударов).

Звоны в период Великого Поста

С наступлением периода Великого Поста в богослужебной практике происходят изменения. Например, меняется система счёта дней седмицы. Если в обычное время (в месяцесловный период) первым днём седмицы считается воскресенье, то в Великий Пост - это понедельник. Меняется порядок чтения кафизм; вообще, чтения становятся больше, а пения - меньше; характер пения меняется, становится более сдержанным. Появляются разновидности звонов, присущие только периоду Великого Поста, например, часовые. Перед совершением Часов ударяют:

3 удара - перед 3-м часом,

6 ударов - перед 6-м часом,

9 ударов - перед 9-м часом,

12 ударов - перед Повечерием. Если расходятся из храма после 6-го часа (как бывает в монастырях), то, согласно указаниям “Типикона”, *“о 9-м часе кандиловозжигатель ударяет в древо... по 1-м же Трисвятом удоря-ет в кампан 9 крат”*.

К Великому Повечерию положено только 12 ударов в постный колокол.

К Вечерне и Утрне - звонят в двой (в два колокола - часовой и меньший, следующий от него) с понедельника по пятницу во всю Четыредесятницу до самого Великого Четверга (т.е. во весь период поста) кроме тех дней, в которые полагается особенный звон. (К ним относятся 24 февраля и 9 марта). В современной практике звон в двой совершают, в основном, только перед Вечерней к Литургии Преждеосвященных Даров. Во многих храмах звоны на период Великого Поста отменяются.

В пятки Великой Четыредесятницы к Великому Повечерию (на котором уже не полагается великих поклонов) обыкновенно бывает благовест не постный.

Порядок звонов на каждую седмицу

1-я седмица

В прощённое воскресенье: к Вечерне - благовест в праздничный колокол (ради великого прокимна);

после чина прощения - звон в двой;

в понедельник *“знаменает паракклесарх к свету коснее вечерняго ради утешения”*(*<<Тит-кон*”, гл. 49).

Это значит, что великопостный благовест совершается в постный колокол и отличается от обычного большим интервалом между ударами. Например, в Троице-Сергиевой Лавре удары совершаются через молитву: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”.

В современной практике на Утрне, Часах и Вечерне, поскольку эти службы соединяются, совершают звон только перед Утрней (по благословению настоятеля).

К Повечерию с чтением Великого Покаянного Канона с понедельника по четверг включительно - благовест в постный колокол.

Вторник. Звоны такие же, как и в понедельник

Среда:

К Утрени - благовест в постный колокол;

К Часам - “Часить”;

перед Вечерней к Литургии Преждеосвященных Даров - “Звон в двой”.

Четверг - то же, что и во вторник;

Пятница: к утренним службам так же, как и в среду; к вечерним службам - звоны не постные.

Поскольку в воскресные дни в период Четыредесятницы на службу пост отменяется, то **звоны к воскресным службам** совершают *в обычном порядке* - благовестят в воскресный колокол и трезвонят так же, как и в обычный, месяцесловный, период.

В первую неделю Великого Поста(в воскресный день) празднуется **Торжество Православия.**

После воскресной литургии служат специальный молебен, посвященный этой теме. Это особенный чин, совершаемый епископом или настоятелем и духовенством в центре храма, с вынесением икон Спасителя и Божией Матери, пением Великого прокимна, возгласениями анафемы, вечной памяти и многолетия.

Во время пения многолетия (по благословению настоятеля) совершается трезвон.

После заключительной молитвы по возгласе

“Слава Тебе Богу, благодателю нашему во веки веков” певцы поют: “Тебе, Бога, хвалим”. Священнослужители целуют св. иконы на аналоях и затем бывает отпуст. Следует помнить, что если Богослужение совершается не архиереем, то в конце литургии звонов не положено.

2-я седмица

В неделю к Вечерне - благовест в праздничный колокол (ради великого прокимна).

В седмичные дни особенных звонов нет, поскольку в эти дни не совершается полиелей, даже если выпадает день святого, имеющий знак полиелейной службы.

3-я седмица Неделя 3-я Великого поста - Крестопоклонная.

В субботний день перед началом Всенощной крест переносят с жертвенника на престол. (Без звонов).

В конце всенощного бдения крест выносится из алтаря и кладётся на аналой в центре храма для поклонения верующим. Звоны к началу и во время службы совершаются как обычно, а в конце Всенощной, во время пения Великого Славословия, совершают перезвон по 3 удара от большого колокола к малым, и, когда, взяв на главу, понесёт настоятель крест на середину храма, начинают трезвон, который длится до возложения креста на аналой.

В неделю к Вечерне - благовест в праздничный колокол (ради великого прокимна). **4-я седмица**

На 4-й седмице поста особых звонов нет, так же, как и на 2-й седмице, поскольку и здесь не совершается служб с полиелеем. (Тем не менее - 24 февраля, когда празднуется 1-е и 2-е обретение главы Иоанна Предтечи и 9-го марта - дня 40 мучеников, полиелей должен совершаться обязательно, даже в период поста.)

В неделю к Вечерне - благовест в праздничный колокол (ради великого прокимна). **5-я седмица**

В **четверг** празднуется память Марии Египетской. Накануне вечером читается Покаянный Канон. Эта служба именуется - Марьино стояние. К Вечерне, Утрени и Литургии - благовест в полиелейный колокол, трезвон, соответственно, без большого.

В **пяток** - вечер акафиста.

К Вечерне - звон в полиелейный колокол.

В субботу к Утрени - звон в полиелейный колокол.

Воскресные звоны - как обычно.

К Вечерне - благовест в праздничный колокол (ради великого прокимна).

Звоны Страстной седмицы

По прошествии Великой Четыредесятницы период поста заканчивается, и начинается особенная седмица, именуемая Страстной. Каждый день этой седмицы празднуется особенно, поскольку этот период посвящен воспоминаниям о последних днях земной жизни Спасителя.

Звоны в этот период совершаются так: в первые три дня, когда совершается Литургия Преждеосвященных Даров, звонят по-постному благовестят в постный колокол, и далее - звоны в двой, а с четверга, когда совершают Литургию Василия Великого, в звонах начинают использовать уже большие колокола.

В **Великий Понедельник, Великий Вторник и Великую Среду** - благовест к началам богослужений в постный колокол, трезвон в двой. **Великий Четверг**

Начиная с Утрени Великого Четверга благовест совершают уже не в постный колокол, **“но в красныя”**. По уставу К. Никольского - благовест в полиелейный колокол, трезвон во вся без большого.

Перед Литургией - трезвон, поскольку Литургия здесь уже Василия Великого, которая совершается в соединении с Вечерней, где читается Евангелие.

На Утрени читаются 12 Евангелий, поэтому звонят благовест в праздничный колокол. Далее, во время службы, перед чтениями Евангелий совершают удары в праздничный колокол по числу читаемого Евангелия, перед 1-м чтением - 1 удар, перед 2-м - 2 удара и т. д. По прочтении всех 12 Евангелий - краткий трезвон.

Великий Пяток

К Царским Часам звонят благовест в Воскресный колокол, затем *“звон в двои един долгий”*.

На вынос плащаницы. Перед началом Вечерни совершают благовест в праздничный колокол. Во время пения стихир на стиховне, а точнее, “на славу”, во время выноса плащаницы Спасителя, совершают перезвон по одному удару в каждый колокол от большого к малому. (Символизирует обнищание, умаление Спасителя.) По поставлении плащаницы в середине храма - краткий трезвон. К Утрени - благовест в праздничный колокол.

В конце великого славословия совершается обнос плащаницы вокруг храма. В это время совершают перезвон. По поставлении Плащаницы в середине храма - краткий трезвон в один приём..

Великая Суббота

К Часам, Вечерне Литургии и Полунощнице - благовест в большой колокол. (В настоящее время, по установившейся традиции, звонов от чина погребения до полунощницы совершать не принято.)

Звоны в Пасху

Пасхальное богослужение начинается обычно с Полунощницы (как правило, в 23ч или в 23.30).

Перед Полунощницей совершают благовест в праздничный колокол (непродолжительно - около 5 минут), редким ударением (если праздничный колокол большой (свыше 300 пудов) - в один край или через 1 удар).

В начале крестного хода начинают праздничный трезвон “во вся”.

После того, как крестный ход, обойдя вокруг храма, станет у западных дверей, для совершения Пасхального начала, трезвон прекращают.

По совершении Пасхального начала, когда входят в церковь, трезвон возобновляют; прекращают его к началу пения канона Пасхи (продолжительность трезвона в среднем около 5 минут).

На Пасхальной Литургии (если не *Хириопасха* -то есть совпадение праздника Пасхи с днём Благовещения) во время чтений Евангелий совершают удары в большой колокол; количество ударов соответствует порядковому числу читаемого Евангелия (как в Великий Четверг).

На Евхаристическом каноне звонят в обычном порядке (12 ударов в большой колокол).¹ По окончании ночной службы - трезвон "во вся".

Звоны Светлой седмицы

Благовестят во всю светлую седмицу в праздничный колокол, трезвонят "во вся".

На Литургиях благовест непродолжительный. Поскольку Часы в эти дни поются, то время звона перед началом Литургии заметно уменьшается, поэтому в некоторых церквях настоятели благословляют перед Литургиями в этот период трезвонить вообще без благовеста.

Звоны на крестных ходах в Светлую седмицу

С понедельника по пятницу совершаются крестные ходы вокруг храма. Здесь звонарям следует заранее договориться со своими помощниками, теми, кто подаёт сигналы о движении крестного хода, чтобы на прекращение трезвона сигнал подавали не сразу по остановке головной группы, а после того, когда духовенство приготовится к совершению действ (чтению Евангелия, совершения ектений, кроплению св. водой и т.д.).

Останавливается крестный ход на всех четырёх сторонах храма, но следует учитывать, что остановки не всегда одинаковы по продолжительности. Напротив алтаря совершают чтение, поэтому пауза между трезвонами в этом месте заметно дольше.

Последняя, 4-я остановка, совершается в западной части храма, у паперти. После этого заходят в церковь уже для того, чтобы закончить службу и приложиться к кресту. На вхождение крестного хода в храм тоже совершают трезвон. Этот трезвон считается заключительным.

О порядке посещения колоколен в дни Пасхи

В Светлую седмицу разрешается посещать колокольни и звонить в колокола всем желающим, однако не нужно оставлять колокольни без присмотра. Гостей должен сопровождать кто-либо из церковного причта (лучше всего, конечно же, сам звонарь).

Желающим позвонить доверяют это только в том случае, если у них есть хотя бы некоторый опыт. Прежде чем доверить звон новичку, его нужно проинструктировать. Следует помнить, что разбить колокол не трудно. Гораздо труднее его приобрести. Кроме того - неумелый, нестройный звон может раздражать и причинять беспокойство проживающим недалеко от церкви гражданам.

Колокольни являются объектом повышенной опасности и ответственность за безопасность гостей ложится на того, в чьём сопровождении они пришли. Следует категорически исключить из числа посетителей лиц в нетрезвом состоянии.

Не редки случаи, когда после посетителей на колокольне приходится перевязывать оснастку, чинить педали и прочие приспособления, которые от неправильного звона приходят в плачевное состояние.

Все эти нюансы следует предусмотреть заранее, и по согласованию с настоятелем храма определить порядок посещения колокольни и правила совершаемого звона.

Звоны на богослужениях с участием архиерея

При ожидании к службе архиерея благовест начинают по указанию настоятеля в праздничный колокол. Как правило, в этот день начинают звонить несколько раньше.

При приближении к храму архиерея (при подъезде к воротам на территорию храма) начинают трезвон.

Если встреча к Всенощной, то звон, по входе архиерея в храм, прекращают через 2-3 минуты, поскольку происходит облачение архиерея в мантию и следование его в алтарь. Если же встреча к Литургии, то после проследования в храм архиерея добавляют, как и положено к Литургии, ещё два трезвона.

В остальных моментах звоны остаются те же, что и в обычных случаях, за исключением Литургии, где звон на Евхаристии совершается через более длинные промежутки между ударами, поскольку при служении архиерейским чином все богослужебные действия совершаются более степенно, в том числе немного дольше читаются евхаристические молитвы.

В тех случаях, когда к службе ожидают не одного архиерея, то по прибытии и прошествии в храм одного из них, после встречного трезвона возобновляют благовест и ожидают следующего; по прибытии одного, всё повторяется, как было описано выше.

По окончании богослужения ожидают выхода архиерея из храма и сопровождают трезвонном его шествие в дом причета, в трапезную или отъезд с территории храма. В случае, если архиерей уходит до окончания службы, боковым или служебным выходами (т.е. не торжественно), то проводного трезвона не совершают.

Если архиерей “в гостях” у прихода, то ожидают его окончательного отбытия с территории храма и сопровождают это трезвонном, а если архиерей находится в “своей” церкви или обители, то по окончании богослужебных звонов отъезды и въезды его на территорию храма звонами не сопровождают.

При встрече архиерея на обозрение им церкви совершают благовест в праздничный колокол. Так же, как и на встрече к службе, трезвонят при приближении архиерея к территории храма и, так же, как и после богослужения, провожают отъезд его с территории церкви или обители проводным трезвонном.

Трезвон

Этот звон может быть совершаем в один приём, в два или в три (в зависимости от того, к какому богослужению суточного круга он предназначен). В суточном круге богослужений содержится три главные службы - Вечерня, Утреня и Литургия. Поэтому:

перед Вечерней совершается трезвон в *один* приём;

перед Утреней, поскольку это вторая служба, трезвон в *два* приёма;

перед Литургией - в *три*.

Кроме того, существуют разновидности трезвона, именуемые - "*Красный звон*" и "*Звон в двои*".

О "Красном" звоне можно сказать следующее: в "Типиконе" встречается выражение: "*звон в красных*" ("Типикон", гл.49; В среду 5-й седм.)-

В данном случае указывается на употребление колоколов средних, не больших, поскольку Четыредесятница ещё не закончилась.

"Красными" в старину называли средние колокола за их приятный голос. Слово "красный" имеет в церковно-славянском языке значение "красивый, миловидный, прекрасный". Например, при пении в приуготовительные к Великому Посту воскресные всенощные псалма 136-го "На реках Вавилонских..." в "Типиконе" указано: "*Поём со аллилуею красною*".

Думается, не будет грубой ошибкой считать, что "красным" именуют трезвон, отличающийся красотой и разнообразием ритмических фигур, создающий ощущение сугубого торжества, ликования.

"Вообще же следует к Вечерням, Утрням и Литургиям звонить без всякого излишества" - указывается в "Учебном уставе" со ссылкой на определение Св. Синода.

Звон "в двои" совершается перед малой Вечерней, Литургией Преждеосвященных Даров, в Страстную Среду после Утрени и других случаях, когда желательно применить трезвон, но правила не позволяют трезвонить по-праздничному.

Звонят "в двои" ударами в часовой и следующий за ним по величине колокол поочерёдно.
Перезвон

Последовательные удары в колокола используются в богослужебной практике для того, чтобы подчеркнуть важность предстоящей службы или действия.

Так, благовест в виде чередующихся ударов в большие колокола, совершался в дни больших крестных ходов из Московского Кремля к празднующим престольный день церквям, перед чином коронаций, перед посвящением в епископы.

Перезвон с использованием всех колоколов - от самого большого до самого маленького - совершается перед особыми действиями (например, перед выносом Плащаницы). Может символизировать сошествие Благодати Божией на освящаемую воду (когда

применяется при чине водоосвящения) или, например, истощание сил распинаемого на кресте Спасителя (при совершении в чинопоследовании Великого Пятка).

В разных случаях перезвон имеет определённое количество ударов в каждый колокол, и, хотя на это нет прямых указаний в Типиконе, всё же в чиновниках наблюдается в этом некоторая закономерность.

Перебор

Перебор - погребальный звон и, несмотря на простоту, тоже имеет разновидности. При погребении священников, иеромонахов, игуменов, архимандритов перед перебором ударяют в самый большой колокол 12 раз, затем совершают по 1 удару в каждый колокол от малого к большому, символизируя человеческую жизнь в её развитии и взрослении.

При погребении “мирских человек” вначале совершается перебор всех колоколов от малого к большому (как и в первом случае, но без 12 ударов), а в конце перебора ударяют единожды во все одновременно, символизируя прерывание земной жизни.

Звоны воскресные

Поскольку суточный круг богослужений или, иначе говоря, церковный день начинается с Вечерни, то и звоны, соответственно, начинаются накануне празднуемого дня. Перед воскресным днём, в субботу вечером, звонарь, взяв благословение у предстоятеля, совершает благовест и трезвон перед началом всенощного бдения. Совершается благовест в воскресный колокол. Вначале производят два удара в колокол до полного затухания звука после каждого удара, а затем начинают равномерные удары. В конце благовеста - трезвон в один приём. Во второй главе “Типикона” об этом сказано: *„По еже зайти солнцу мало, отходит кандиловозжигатель и творит поклон предстоятелю. Также восходя ударяет в великий кампан не скоро, поя непорочны или глаголя псалом 50-й, тихо 12-ю. И потом вшед и вжигает лампады, и уготовляет кадильницу. И тако паки исшед клеплет во вся кампаны.“*

Следующий звон на всенощной именуется Дну звоном. Это трезвон в два приёма, иначе говоря - два трезвона через небольшой промежуток времени и означает начало Утрени. (*„По чтении же великом святых апостол, исходит параклетиарх и клеплет в великий и прочия кампаны.“* “Типикон”, гл. 2.)

Как видим из текста “Типикона”, между Вечерней и Утреней совершалось чтение.

Вообще-то в это время была трапеза, поскольку предстояло бдение, до утра было далеко, и те, кто собирался причащаться, должны были подкрепиться “Труда ради бденного”. В настоящее время ни чтения, ни трапезы в храмах не происходит, однако звон в этом месте остался и вместо практического значения теперь символически отмечает начало Утрени как начало нового Времени в жизни человечества, Утро жизни вечной.

При совершении двузвона необходимо помнить, что в храме во время чтения шестопсалмия должна быть благоговейная тишина, поэтому звон нужно закончить до начала чтения псалмов, а точнее, до возгласа священника в начале Утрени.

Звон к Евангелию - это трезвон в один приём, совершаемый во время пения степенных антифонов, на “славу” антифона, в момент выноса из алтаря Евангелия. “*Та же степенны гласа, в нихже исходит кандиловозжигатель и ударяет в колоколы.*” (“Типикон”, гл 2.)

Поскольку Евангелие символизирует собою самого Господа, то и трезвон в этом месте - приветствие сошедшему к нам в виде учения Сына Божия.

Не присутствующим в храме православным - это сообщение, что в храме будет читаться Евангелие. Поэтому не имеющие возможность в этот момент быть в храме должны, услышав этот звон, приостановиться. “Слава, Тебе. Господи, слава Тебе!” - возглашает предстоящий лик, К этому возгласу трезвон следует закончить.

Звон “На Честнейшую” именуется так потому, что совершается на 9-й песни канона, перед началом которой поётся песнопение “Величит душа моя Господа..”, в припеве которого поют: “Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим...”

Это 9 ударов в большой колокол. Цифра 9 здесь, конечно же, не случайна - она обозначает 9 ангельских чинов, к которым причислена в этом песнопении Матерь Божия.

Раньше в этом месте службы благовестили к предстоящему молебну, поэтому звон совершали в разные колокола (в зависимости от статуса предстоящего молебна), и не регулировали продолжительность звона количеством ударов. В настоящее время этот звон приобрёл символический смысл и стал совершаться только в праздничный колокол.

Удары в колокол желательно распределить равномерно через одинаковые интервалы в момент исполнения песнопения.

В конце воскресной всенощной звонов не положено. Во всяком случае - указаний в Типиконе на это счёт нет. Однако во многих храмах настоятели благословляют звонарей совершать трезвон.

К Воскресной Литургии

К воскресной Литургии благовестят точно так же, как и перед Всенощной, с тем только отличием, что трезвон в конце благовеста совершают *в три приема*.

К ранней Литургии совершают благовест в меньший колокол и, кроме того, реже и тише; в конце благовеста трезвона нет.

Звон к “Достойно...” содержит 12 ударов в праздничный колокол по числу апостолов, присутствующих на Тайной Вечери Господней.

Совершается он во время произнесения священником евхаристических молитв и помогает верующим обратить свои сердца к Богу.

“*Горе имеем сердца!*” - возглашает священник. “*Имамы ко Господу*” - отвечает лик предстоящих.

Священник: “*Благодарим Господа!*” Хор: “*Достойно и праведно есть* ” С этого момента начинают удары в большой колокол.

Здесь, как и на Всенощной, желательно равномерно распределить удары на время пения и закончить звон к концу прочтения евхаристических молитв, то есть к возгласу: *“Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преподобней”*.

По окончании Воскресной Литургии звонов, как и на Всенощной, совершать Уставом не указав но.

Указом Св. Синода (1886г. 29 марта №4) предписано, чтобы по воскресным и праздничным дням во всех приходских церквях Вечерня отправлялась по уставу со звоном в большой колокол. Трезвон к ггой службе должен быть без большого колокола (“Типикон”, Храм. гл. 1). Это значит, что в воскресенье вечером благовестят в праздничный колокол, но трезвонят без него.

Звоны будничные

В настоящее время будничные звоны - явление не частое. Например, в московских монастырях практика звонов в будничные дни довольно скудна, если вообще существует. Реальная необходимость использования колоколов в наше время не велика. Мы привыкли уже ориентироваться во времени по часам. Расписание служб нам известно. Службы совершаются, в основном, вовремя. Редкий прихожанин не имеет своих часов, но теперь и это не существенно. Колокольные звоны нашего времени - более украшение Богослужения, символы, нежели насущная потребность.

Приводимые ниже рекомендации относительно совершения будничных звонов не носят обязательный характер. Звонарям следует обсудить все виды будничных звонов со своими настоятелями и весьма осторожно использовать трезвоны; особенно там, где наборы колоколов небольшие. Нежелательно трезвонить одинаково и в будни, и в праздники. В седмичные дни перед богослужениями благовестят в простодневный колокол.

Трезвон в эти дни бывает без первых четырёх колоколов, то есть без простодневного, но если случится служба с великим славословием, то трезвон бывает и в 4-й колокол, простодневный.

В седмичные дни к Вечерне примыкает 9-й час, поэтому благовестят перед началом 9-го часа, а перед Вечерней трезвонят.

“И по конце 9-го часа знаменует в 2 или 4 по уставу” (“Типикон”, гл. 9)

К Повечерию будничному в 9-й гл. “Типикона” указано звонить только в било. В реальной практике била уже не используют, поэтому в настоящее время следует использовать простодневный колокол.

К Повечерию после Великой Вечерни, если не положено по каким-либо причинам бдение, *“Клеплет в малый кампан или в ручное клепало по обычаю”* (“Типикон”, гл. 7.) В то время, когда составлялся “Типикон”, ещё было в обычае употребление клепал, которые использовались наряду с колоколами. В настоящее время это просто звон.

К Полунощнице вседневной благовест совершается, как видим из указания Типикона, редкими ударами в малый колокол. *"Во утрии же знаменует паракклесиаρχ в малый кампан, редким ударением, на мног час..."* ("Типикон", гл 9.)

К Утрени звонят недолго, всего около двух минут, а именно - по мере прочтения 50-го псалма. Как указано в "Типиконе", *"по скончании же Полунощницы ... паракклесиаρχ ... благословився у предстоятелями клетет в кампаны, ударяет же тяжким ударением редко, елико рещи псалом 50-й весь"*. В данном случае в "Типиконе" даётся рекомендация звона к Утрени, следующей за Полунощницей. Однако если Утренья совершается отдельно, то после благовеста совершают трезвон.

Таким образом, если Утренья совершается без Вечерни, то вначале, как обычно, совершаем благовест в назначенный колокол и затем - двузвон.

К Литургии - благовест в простодневный колокол, трезвон без большого и воскресного, то есть с простодневым.

И. Коновалов

Колокола и звонари

Вопрос, уходящий корнями далеко в глубь церковной истории России, вопрос, изучаемый ныне по крупицам, составлявшим некогда богатейший пласт духовной православной культуры. Ныне общеизвестно, что колокола в Европе вошли в употребление с II века, в Византии - с IX века. На Руси первые колокола появились при великом князе Владимире сразу после принятия Русью Православия. Вполне понятно, что как первые Храмы на Руси строились греческими мастерами, так и первые колокола вывозились из ближайших пределов Византийской империи. Не случайно то, что один из ныне сохранившихся на третьем ярусе колокольни Ивана Великого в Московском Кремле колоколов носит название "Корсунский" как перелитый из колокола, вывезенного князем Владимиром из Херсонеса Таврического. Известны также Кор-сунские врата и иконы, которые предание связывает с тем же походом князя или последующими приобретениями.

Проходит время, и российские колокола XVI-XVII веков изумляют современников своими размерами и благозвучием. Ни одно из описаний иностранцами Москвы не обходится без восторженных упоминаний о колоколах. Приезжие гости расспрашивают даже Государей и Патриархов о весе колоколов, а оставшись наедине с гигантами, пытаются их обмерить, используя принятые в их землях единицы измерения или просто пядями своих рук.

Так, Российская держава к началу XX века становится поистине колокольным государством, превосходящим по количеству, весу и гармонии колокольных подборов как буддийский восток, так и Христианский Запад.

Общественный интерес к своему прошлому, пробудившийся в России, в середине XIX в. затронул и колокольное дело. Стали появляться описания некоторых уникальных исторически или древностью отдельных колоколов. Время от времени производились описи монастырского или церковного имущества, куда попадали сведения о колоколах.

Но несоизмеримо меньше внимания уделялось в литературе прошлого церковнослужителям, которые, исполняя звоны, на протяжении столетий собирали колокола, формировали колокольные подборы, устраивали и оттачивали самую систему управления колоколами и собственное мастерство. Зачастую сохранившиеся описи звонарей содержат сведения чисто бытового характера о том, что такой-де человек служит или служил там-то звонарем и получал столько-то денег, дров и являлся при этом еще и сторожем.

Попробуем приблизительно определить время появления профессиональных звонарей как таковых, учитывая, что первым этапом бытия колоколов на Руси было относительно небольшое количество довольно легких колоколов, имеющееся при больших городских, зачастую кафедральных Соборных Храмах в период, предшествовавший нашествию татар на Русь. Во время археологических изысканий в руинах Русских Храмов домонгольского времени в Киеве и других городах археологи обнаружили осколки колоколов в размере не более полуметра в диаметре и обычно один или два. Для размещения такого количества колоколов на церкви никакого дополнительного архитектурного сооружения не требовалось, и вполне естественно, что в это время ни о каком звонарском профессионализме говорить не приходится. Это совершенно ясно можно проиллюстрировать на примерах современных греческих или западноевропейских колокольных звонов, где звон, не развиваясь, остался на примитивном сигнальном уровне, а звонарь заменен ныне электрическим моторчиком с кнопкой.

Начиная с первой трети XIV века, образуется второй этап в колокольной жизни России. Он характеризуется ориентацией Руси на запад, где колокола и звоны имели тогда большее распространение, чем на православном востоке. Из западной Европы на Русь через Новгород и Псков поступают небольшие колокола, а для выполнения Русских заказов на “тяжкая звоны” прибывают и мастера-литейщики, причем первоначальных итальянцев сменяют, возможно, более искусные немецкие мастера. Соответственно в летописных повествованиях прозвища мастеров “фрязин”, “римлянин” сменяются на “немчин”.

Второй этап истории российских колоколов; являет собой как увеличение веса колоколов и их количества, так и постройку звонниц - дополнительного колоколонесущего архитектурного сооружения, исполненного из дерева или камня и служащего для размещения колоколов. Если количество колоколов было невелико, и они были небольшие по весу, то звонница могла располагаться непосредственно на храме. Для размещения большого количества тяжелых колоколов строились звонницы на собственном основании. Сначала примитивные в виде стены с прорезями под колокола, затем все более сложные. Именно на этом этапе появляются церковнослужители, имеющие постоянное послушание при звоннице и исполняющие звоны, звонари-профессионалы. Самый звон колоколов этого второго этапа, требовавший большого количества звонарей, был, впрочем, довольно примитивным по своему устройству и состоял из так называемых перезвонов или переборов, при которых колокола звонили один за другим или аккордами.

Сотрудник польского посольства в России Бернгард Таннер, побывавший в Москве в 1678 году, так описывает работу звонарей Кремлевской колокольной Ивана Великого и Успенской звонницы: *“Звонят же у них в таком порядке: сначала шесть раз ударяют в один наименьший колокол, а потом попеременно с колоколом побольше шесть же раз; затем уже в оба попеременно с третьим еще большим столько же раз и в таком порядке доходят до самого большого; тут уже ударяют во все колокола и при том столько же раз”*.

В описании же архидиакона Павла Алеппской о содержатся некоторые упоминания об устройстве колокольни Кремля: “Число ступеней в Ивановской колокольне, в которой висит огромный колокол, 144. Внутри башни, по окружности ее, есть многочисленные кельи. Из этой башни можно проникнуть туда, где висят два колокола, назначенные для звона в будничные дни и в канун праздников. Башню эту выстроил и снабдил колоколами в Бозе почивший царь Иоанн (Великий Князь Иоанн III, 1440-1505 гг. - *Прим. авт*), пожертвовав в свое время 120 домов с достаточным содержанием для приставленных к колокольням людей, которые приходят по очереди еженедельно и неотлучно пребывают в упомянутых кельях ночью и днем для звона в колокола. В большие праздники и в дни крестных ходов, когда звонят во все колокола, звонари являются все и производят звон”. Тот же автор приводит наблюдение, что для того, чтобы раскачать четырехтысячепудовый колокол, требовалось 30 юношей. Раскачивать в середине XVII в. приходилось именно колокол, а не язык, как стало позже. До самого окончания XVIII в. на Руси повсеместно существовали два способа звона в колокола. Это очепная система колокольного звона, при которой колокола ставились подвижно в колоколоприемниках и требовалось две толпы звонарей, чтобы при помощи веревочных канатов, попеременно раскачивать колокол, пока свободно висящий язык не будет ударять в оба края. Для относительно небольших колоколов, зачастую размещенных рядом с валовыми или очепными колоколами, существовал так называемый язычный способ звона, при котором к языку за специально выкованное - утоньшение - шейку привязывалась веревка. И звонари могли звонить в такие колокола с земли или поднимались на ярус звона, если было необходимо. При очепных звонах в тяжелые колокола необходимо вырабатываются некоторые профессиональные навыки, относящиеся к технике и ритмике звонов. То есть звонари, подразделенные на две группы, должны были четко и слаженно, по команде успеть начать и завершить звон, с учетом того, что во время крестных ходов недопустимы даже несколько ударов колокола после сигнала, поданного к прекращению звона. Звонари должны были мастерски владеть техникой колокольного звона, чтобы не повредить колокол слишком сильными ударами, что при очепном звоне гораздо легче, чем при звоне “в языки”. Но самое главное умение состояло в том, чтобы при попеременном звоне в два очепных колокола добиться абсолютно ровного ритма. Автору этих строк неоднократно приходилось звонить в очепные колокола в Псково-Печерском монастыре. При всей кажущейся примитивности движений звонаря заставить язык послушно совершать равномерный ход в оба противоположных края чрезвычайно трудно. У неопытного звонаря язык может сразу пойти по кругу. Если не сумеешь вовремя почувствовать колокол, то либо будешь пропускать удары, либо так разгонишься, что остальные звонари за тобой не поспеют. Оба больших благовестника Печерской звонницы поставлены подвижно и имеют возможность раскачиваться в одной плоскости. В маточник колокола продет и там заклинен стальной стержень прямоугольного сечения, именуемый матицей. В этом смысле любопытно устроены маточники русских колоколов XVI-XVII веков, которые предназначались исключительно для очепного способа звона. Маточник выполнен наподобие толстой петли с ямкой для клина снизу. Чтобы избежать прогиба длинной матицы, она укрепляется, *оковывается*, как говорили раньше, дубовой колодой веретенообразной формы - *валом*. Закругленные концы матицы вставляются в подобие подшипников. Это дубовые бруски с поперечными желобами, вложенные в специально оставленные в кладке столбов звонницы ниши. В желоба брусков сверху устанавливаются кованые стальные полосы с таким же, как и в бруске поперечным желобом. В эти желоба вставляются закругленные концы матицы. Обязательно подается смазка. К колоде-валу крепится жердь достаточной длины - *очеп*. Для того, чтобы избежать перекоса колокола, с противоположной стороны к валу прикрепляется еще один очеп с противовесом. В старину в качестве противовеса использовали ящики с тяжелыми камнями. От очепа вниз, почти до земли, спускается канат, заканчивающийся петлей-стременем, в которое звонарь ставит ногу. Нажимая весом всего тела на стремя, звонарь приводит колокол в движение.

Здесь нужно заставить неподвижно висящий язык раскачиваться против движения колокола. Примерно на восьмое качание происходит первое соприкосновение языка со стенкой колокола. После этого звонарь должен, резко отпуская стремя кверху, поймать язык противоположным краем колокола и после удара опять нажать на стремя для гарантированного удара языка в ближний край. Хотя Пскове-Печерский монастырь является единственным местом в России, где до наших дней в действии сохранился очепной звон, но следы колоколо-приемников для очепных колоколов сохранились на многих колокольнях и звонницах XVI - середины XVII в.в. Ещё одним приспособлением очепной системы звона является так называемый *“карман”* - это железная кованая решетка, выдающаяся из арки яруса звона колокольни или звонницы подобно балкону и служащая для подстраховки на случай обрыва крепления колокольного языка. Такой *“карман”* сохранился на колокольне Ярославского храма Илии Пророка. Возможно, на невысоких шатровых колокольнях с очепными колоколами лестницы, выложенные в толще стен, были узкими и крутыми, потому что звонарям не было надобности подниматься к колоколам при каждом звоне.

Колокольно-звонарское дело находилось под особым вниманием и опекой государственной и духовной власти в России. Ростовский митрополит Иона III Сысоевич, по завершении создания знаменитой ныне Ростовской Звонницы, учредил для исполнения колокольных звонов большой штат звонарей, достаточный не только для исполнения праздничных торжественных звонов, но и для подмены недостающих исполнителей. В приходнорасходной книге митрополичьего двора в записи, датированной 1691 годом, упомянуты 8 звонарей Ростовского Успенского Собора - исполнителей, а возможно и создателей первых ростовских звонов "Ионинского" и "Георгиевского". Это Иван Иванов, Лев Иванов, Яков Шмаков, Киприан Савельев, Фирс Савельев, Алексей Люткин, Перфилий Викулов и Алексей Смирнов.

С конца XVI по XVIII в.в. практически во всех крупных городах России, в больших монастырях и кафедральных Соборах наблюдался рост колокольных собраний, совершенствовались и дополнялись колокольные подборы, отлаживалось мастерство звонарей-исполнителей. Но в начале XIX в. происходят коренные изменения в бытии российских колоколов. Происшедшая в петровские времена переориентация России в западном направлении привела к снижению государственного интереса к отечественному колоколопроизводству. Несмотря на колоссальнейшие достижения в прошлом и имеющиеся мощности по производству российских колоколов правительство Петра I вывозит колокола из Голландии. Падает интерес и к звонарям, что немедленно сказывается на их количестве и оплате. В период за XVIII-XIX в. количество звонарей Ростовского Успенского Собора сокращается с 8 до 4, а то и до 3 штатных звонарей. Ухудшается качественно и сам звонарский корпус. В звонари определяют провинившихся семинаристов, младших детей духовенства и тому подобное. Такое положение со звоном в церкви определялось тем, что штатное расписание служащих в храмах и духовенства определялось светскими чиновниками, ведавшими также и вопросами оплаты духовенства в синодальный период (1721 - 1918 гг.) истории Российской Православной Церкви. Только благодаря заботам российского архиерейства, зачастую нарушавшего штатные расписания и за свой счет содержавшего необходимых дополнительных звонарей, удалось до наших дней сохранить и донести некоторые из шедевров звонарского творчества прошлого.

Среди некоторого упадка звонарского дела в России в XIX веке необходимо отметить, что все же заботами государей и благотворителей были сооружены такие колокольные чудеса, как звон Исаакиевского Собора в Петербурге, звон московского Храма Христа Спасителя и, конечно, особо стоял колокольный подбор звонницы-колокольни Георгиевского

монастыря в Новгороде Великом, которому прямым прообразом служила Ростовская звонница (что видно из подобия колоколов по весам, размещению на ярусе звона и что не могло не сказаться на подобию исполнения звонов монастырскими звонарями).

Единственным временем, оставившим нам наиболее полные описания церковных звонарей России, их отношение к колоколам и звонам остается конец XIX - начало XX века, вплоть до уничтожения, как самих звонарей, так и инструментов, на коих они исполняли свои произведения - церковных колоколен.

Кратко опишем церковную звонницу, какой она сложилась к концу XIX - началу XX века. По центру колокольни размещалось обычно от одного до трех колоколов. Это был большой благовестный, полиелейный и воскресный колокола. Колокола подзвонного ряда развешивались в арках колокольни. Зазвонные - мелкие колокола - помещались в одной из арок яруса звона. Нередко зазвонные колокола размещались в своей арке в два ряда на двух, заделанных в арке параллельных балках. Рядом с зазвонными колоколами сооружался звонарский помост, стоя на котором звонарь-трезвонщик правой рукой звонил зазвонной трелью, левой нажимал на так называемые клавиши, то есть цепочки, которыми на звонарский столбик подводились языки от подзвонных (средних) колоколов. Под ногой звонаря имелись две, иногда три педали, которыми приводились в действие полиелейный и воскресный колокола. Помощник главного звонаря-трезвонщика звонил в большой благовестный колокол, раскачивая его язык и ударяя им в оба края колокола. Если количество больших "язычных" колоколов было два или три, то помощников требовалось больше. После оцепного способа звона в большие благовестные колокола единственным способом звона с конца XVII века стал так называемый язычный способ. Для звона в тяжелые колокола, а звонят в оба края в те колокола, которые весом более 300 пудов (5 тонн), требуется ещё один звонарь, который во время звона стоит под колоколом на безопасном расстоянии от оси качания языка. Языки для колоколов изготавливаются из достаточно мягкой стали, примерно, сталь - 3. Раньше языки выковывались кузнецами вручную. На современных производствах существуют несколько способов изготовления языков: от проточки поковочной заготовки до отливки языка. Колокола подбирались на колокольни строго определенным образом, образуя стройный хор-звон. Если какой-либо один колокол диссонировал с остальными или выпадал из общего строя, то он получал довольно меткое, соответствующее его звучанию прозвище типа "козел", "баран", "беспутный" и тому подобное, а то и вовсе выпускался из звона. По мнению старых профессионалов-звонарей и знатоков церковного звона, основой настоящего, полновесного колокольного звона в России было наличие мощной басовой партии, в которой одновременно звучали до трех сочетающихся между собой тяжелых колоколов.

В России никогда не существовало официальных школ и центров колокольного звона. В этом не было необходимости, ибо церковный колокольный звон всегда был неотъемлемой и, пожалуй, единственной частью основного звукового наполнения городов и сел нашего бескрайнего государства. Неделей рождения звонарей была Светлая Седмица, когда каждый желающий допускался произвести звон в любой колокол. В то время звонарь наблюдал за мальчишками, подсказывал, помогал и, если у кого получалось, то приглашал его на звон и в дальнейшем, так что в учениках недостатка не было.

Ныне же приходится по крупицам собирать части некогда обширного пласта церковной культуры, помогать, обучать, а иногда и отстаивать чистоту церковного искусства от вредоносных влияний современного обмирщенного сознания.

Весомый вклад в колокольное дело вносит современная наука. В результате акустических исследований, произведенных с применением звуковых и вибро-анализаторов, были получены данные, необходимые для более правильной и надежной подвески колоколов.

С. Рыбаков.

Знаменитый звонарь А.В.Смагин

В вопросе улучшения церковного звона важно знакомство с искусством выдающихся звонарей. Одним из выдающихся звонарей является в Петербурге Александр Васильевич Смагин, родившийся в 1843 г. в Верхотурском уезде Пермской губ., в селе Шипицыне.

В 1853 г., когда ему было 10 лет, он прислуживал в своей сельской церкви, подавал кадило и, как все дети, любил звонить. Хотя и тогда звон его отличался от звона его товарищей, но звонил он в то время механически, без углубления в значение и состав звона, или, как он выражается в своей записке, его звон “был несознательным до 1863 г.”.

Отец его был зажиточным крестьянином и имел 4 сыновей, из которых двое старших окончили курсы уездного училища, а двое младших, в том числе Александр Васильевич, остались вовсе неграмотными.

Поступив на службу в армейский полк (за 2500 верст от родины), он все свое рвение устремил кроме строевой службы также на изучение грамоты, чего ему в течение полутора лет и удалось достичь, то есть он научился читать и писать. На него обратил внимание командир полка В. И. Яновский.

Однажды, 19 февраля 1867 г., Смагин, подготавливая месячный отчет по канцелярии, услышал звон на двух колоколах (колокола были большие), но звон плохой. Он закрывает дела, прекращает работу, отправляется на колокольную, берет веревки в руки и начинает звонить. Через час он получает приглашение от церковного старосты В. Г. Холина, содержавшего тогда в той церкви свой хор певчих, предложение обучать звону церковных звонарей. Смагин взялся и обучал сторожей звону около месяца.

Василий Гаврилович Холин, оптовый торговец овцами и владелец двух винокуренных заводов, принадлежит к числу немалочисленных у нас ревнителей церковного благолепия.

Словом, Холин лелеял свой хор, который зато пел прекрасно и состязался с хором покойного воронежского архиепископа Серафима, большого любителя церковного нотного пения. Старожилы говорят о его хоре: “Не услышим теперь такого пения, нет теперь таких хоров”.

Любовь Холина к пению побуждала его вслушиваться во всякое мало-мальски хорошее пение и заимствовать его для своего хора; таким образом, хор его многое исполнял из пения Серафимовского хора.

Пригласив Смагина обучать церковных сторожей звону, Холин, по истечении месяца, предложил

ему рекрутскую квитанцию, по которой он мог освободиться от военной службы и поступить к нему на службу. Смагин принял предложение и поступил к Холину конторщиком. В течение более 10 лет, с 1867 по 1878 г. он сопровождал хозяина по торговым делам по средним и южным губерниям.

Где только ни слышал его хозяин хороший звон, немедленно посылал Смагина изучать его, а когда возвращался домой, то проверял своего приказчика на приходской церкви, где состоял старостою. При этом Холин обнаруживал большое чутье и слух относительно церковного звона, сразу и метко отмечая отступления от слышанного звона, если их делал Смагин. Но этим не довольствовался Холин в своей любви к церковному звону и в 1873 г. нарочно командировал своего звонаря для изучения звонов в Москву, Троице-Сергиеву Лавру и в Ростов Ярославский. Благодаря такому усердию хозяина, Смагин имел возможность усвоить себе различные звоны и на их почве начал вырабатывать нечто свое, составлять сборный звон из известных ему звонов, вносить сюда свои добавления, новые ритмические фигуры, которые иногда выходят сами собою, произвольно, и этим он выступил на путь импровизации на колоколах. Словом, по его выражению, звон его “из несознательного стал сознательным”, то есть Смагин внес в свое искусство начало сознания и известное творчество.

В г. Ливны, Орловской губернии, Смагин в скором времени стал известным звонарем и любимцем прихожан и города. Он однажды вызвал на себя неудовольствие ливенского соборного протоиерея, который жаловался архиерею, что Смагин звонит непотребно. Орловский архиерей Макарий назначил следствие, вызвал Смагина, сам слушал его звон и, в конце концов, пригласил его обучать звонарей.

В 1878 г. Смагин по обстоятельствам приехал в С.-Петербург, занимался торговлей, но ему не повезло и пришлось бороться с нуждой, в силу чего работал поденно на Балтийском заводе (1885 г.) и носил балки. Он пользовался доверием рабочих и цехом чернорабочих Балтийского завода был выбран старшиною-представителем при спуске миноносца “Лейтенант Ильин” и закладке крейсера “Память Азова”. В это время он был занят воспитанием сына, который учился в гимназии, и свою любовь к звону должен был очень умерить. Тем не менее он был (1886 г.) 10 месяцев звонарем в Александро-Невской Лавре, в которой усвоил так называемый лаврский звон. На соборной колокольне есть довольно порядочный подбор колоколов. Особенно нравился Смагину большой колокол в 800 пудов никоновского литья с изображением патриарха Никона, в левой руке держащего колокол, а в правой - Церковь.

В 1888 г. по поводу спасения Императорской фамилии при крушении поезда в Борках, Смагин обратился к обер-прокурору Св. Синода с докладной запиской, в которой, выражая верноподданические чувства по случаю спасения жизни Государя Императора от угрожавшей опасности, ходатайствовал о принятии его бесплатным звонарем в один из храмов столицы. Эта записка была препровождена на благоусмотрение Исидора, митрополита С.-Петербургского. Его Высокопреосвященство пожелал выслушать звон Смагина, и последний для этого был вызван в Лавру и звонил в присутствии митрополита. После этого испытания ему предложено было место платного звонаря в Лавре (по 30 р. в месяц), но он не принял его, заявив, что не хочет своих патриотических чувств продавать за деньги. Тогда состоялась следующая резолюция Его Высокопреосвященства: “Благочинный ближайшей к месту жительства Смагина Вознесенской церкви объявить причту и Смагину, что последний может исполнить при той церкви звонаря безвозмездно”. Смагину выдали из С.-Петербургской духовной консистории указ от 12 декабря 1888 г. № 305 на право звонить в Вознесенской церкви. В августе 1886 г. Смагин ездил в Коневский монастырь на говение после происшествия на Балтийском заводе, где

он работал поденно: ему балкой отдало ногу. Видя в этом наказание за грехи и упущения относительно обязанностей христианина, Смагин решил попоститься в Коневском монастыре. Приехав туда, он не упустил случая применить свое искусство с разрешения архимандрита Пимена. Взобравшись на колокольню, он увидел, что она была запущена и загрязнена. Между тем, любя свое искусство, он требует на колокольнях чистоты, опрятности, не курит на них и другим не позволяет курить. Понятно, что ему не понравилась запущенность колокольни Коневского монастыря, и он заставил монахов вымыть колокола от грязи и от птичьего помета. Между прочим, он учил коневских звонарей своей манере звонить, и ученье шло в течение целого дня между службами. Слушать звон собирались многочисленные богомольцы и спрашивали архимандрита: “Ваше Высокопреподобие, скоро ли начнут по нотам звонить?” Смагин был предметом общего внимания, и когда он уезжал, то его провожали и на прощанье дали ему разных запасов, плодов, 3 р. денег и бесплатный проезд до Петербурга.

Как выше упомянуто, он уже в Ливнах был известным звонарем, и память о нем сохраняется там и теперь. Когда несколько лет тому назад в Петербург приезжала депутация из г. Ливны ходатайствовать о постройке железной дороги, члены этой депутации были и у Смагина как бывшего ливенского звонаря, и один из депутатов приглашал его вернуться к ним в Ливны, говоря, что теперь у них некому и позвонить, но Смагин отказался, сославшись на воспитание сына, который кончал гимназию.

Смагин - звонарь по призванию. Интерес и приверженность к звону были и росли у него в течение всей его жизни. Внутреннее влечение к звону сказывается у него в том, что когда, например, он сидит один, то ему слышится колокольный звон или представляются различные сочетания колоколов. Он объясняет это тем, что мужику втемяшится в голову, того и колом из него не выбьешь. Его любимое выражение о том, как он изучал звоны, такого рода: “Я звон собирал 40 лет, дайте мне теперь его разнести”, то есть распространить свое искусство. Но Смагин встречает также и большое несочувствие такому увлечению колокольным звоном. Его считают странным или смеются над ним.

“Когда начнешь о звоне говорить, все над тобой потешаются, - говорит он, - ха, ха, ха, много у нас в Петербурге звонарей; звонишь, значит, болтаешь, — врешь по самое стропило. Хотелось бы по душе говорить о звонах, а над тобою смеются, кровную обиду наносят; смеются над тобой, а смешно это или нет, не разбирают”.

Когда его сильно донимают те, которые сочувствовали ему в молодых годах как крестьянину со стремлениями, и когда в люди вышли, стали свысока и с насмешкой относиться к нему, он им говорит: “когда вы молоды были, то обнимали Россию и целовали народ, а теперь вы горькую редьку ему суете”.

На колокольне Смагин чувствует себя хозяином. Он привык восходить по лестницам ее, не боится холода, пронизывающего ветра, ни дождей, когда приходится дежурить ему днем и быть ближе, чем другие люди то к ясному, лазурному, то к пасмурному небу, или ночью, когда над ним горит звездное небо и тот млечный путь, который сибиряки называют “гусиной дорогой” в силу приметы, как вереницы гусей при отлете осенью летят ночью по направлению млечного пути. Ему, как старому звонарю в рассказе Короленко (“Старый звонарь”), “земля и небо, и белое облако, тихо плывущее в лазури, и темный бор, невнятно шепчущий внизу, и плеск невидной во мраке речки — все это ему знакомо, все это ему родное... Недаром здесь прожита целая жизнь”... Его любовь к искусству и месту, где он его применяет, доходит до того, что, как выше упомянуто, он заботится о чистоте и порядке на колокольне и никому не позволяет — ни себе, ни другим — курить на ней. Когда он начинает звонить, он снимает шапку и крестится, затем сделал

удар в колокол, стоит с открытой головой в продолжение первых двух ударов. Для него, настолько посвятившего себя колокольному звону, обидно звучит известная поговорка: “Отзвонил и с колокольной долой”, которую он за это называет непутевой и желает бороться с нею по мере сил. Цель его стремлений — бороться против пренебрежительного или кощунственного отношения к звону и распространить умение хорошо звонить, чего в нашем современном звоне именно и недостает, тогда как он может быть настоящим искусством.

Израилов в вопросе о церковном звоне затронул две стороны: гармоническое настраивание колоколов и искусство мелодичного звона, не касаясь также близко вопроса о самом искусстве звонить обыкновенно - ритмически, а не мелодически. Мелодический звон едва ли может иметь будущность, потому что он идет вразрез со всеми преданиями нашего церковного звона и не подходит к самому характеру колоколов, которые производят совершенно определенное гораздо большее впечатление, если в них звонят ритмически, чем если выигрывают на них мелодии, как в куранты.

Таким образом, в вопросе о церковном звоне наряду с гармоническим настраиванием колоколов гораздо важнее заботиться об улучшении традиционного, то есть ритмического звона, чем о развитии совершенно нового для нас мелодического. Смагин преследует именно эту цель. В своей записке он говорит, что к улучшению церковного звона стремятся теперь как колокольные заводчики, так и отдельные лица, и, кажется, убеждены, что благозвучный звон получится путем одной только переливки или гармонического настраивания, тогда как звонари звонят по-прежнему неумело и особого впечатления на молящихся не производят... Где же у них мастера звонари, которые умели бы управлять колоколами, спрашивает он и высказывает мысль, что можно больше примириться с искусным звоном на ненастроенных колоколах, чем с неумелым звоном на настроенных. “Мне приходилось, — продолжает Смагин, — слышать много раз, как на сельской церкви мужичок так отчетливо и красиво звонит, что любого соборного и дворцового звонаря за пояс заткнет, жаль только, что звон этого мужика ограничивается одной фигурой, которую он заучил”.

Важность искусного звона подтверждается тем, что при таком звоне гораздо больше собирается молящихся в церковь, как Смагин убеждался и из своей практики, когда большие толпы собирались слушать его звон до начала службы и оставались ради этого и после службы.

Смагин в течение своей продолжительной практики успел выработать определенную систему искусства звона, которую он изложил Рыбакову

Будучи идеалистом и художником в душе, Смагин с упорством фанатика смотрит на колокольный звон, вполне справедливо придавая ему громадное значение в жизни русского народа.

Все разновидности колокольного звона - благовест, трезвон, перезвон, - разумеется, должны иметь особые оттенки, и чем они нежнее и тоньше, тем сильнее действуют на слушателей, вызывая в них живое благоговение.

Наоборот, беспорядочный и негармоничный звон, лишенный этих оттенков, производит как раз обратное действие.

Во многих католических странах, где колоколам уделяют чрезвычайно мало внимания, колокольный звон не только не вызывает благоговейного чувства, но, наоборот, раздражает и беспокоит жителей.

Смагин один из первых обратил внимание на стройность колокольного звона, извлекая из колоколов различные оттенки звуков, в зависимости от церковной службы.

В его звоне чувствуются не простые механические удары языком о металл колокола, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу, а что-то более глубокое, что увлекает и уносит душу от повседневной жизни к более чистому и возвышенному. Многие, слышавшие звон Смагина, говорят, - что колокола, как будто оживали под его ударами. Настроение от звона получалось изумительное, — колокола начинали петь.

Как было сказано выше, Смагин подробно изложил свой взгляд на колокольный звон известному исследователю в этой области С. Г. Рыбакову.

Когда поочередно перебираются все колокола друг за другом, то это называется перезвоном.

Этот звон - символ печали и употребляется при похоронах, а также в праздники Св. Креста, на Страстной неделе.

Нелишне также упомянуть о родах колоколов, какие употребляются у нас для церковного звона.

Маленькие колокола называются зазвонными, имеют вес от 10 фун. до 5 - 6 пудов; более крупные или альты - от 8 до 25 пуд. К числу крупных принадлежат: вседневный колокол от 100 до 500 пуд., в него благовестят в каждый будничный день; полиелейный до 600—700 пудов, в который благовестят в праздники Апостолов и Святителей; воскресный - до 800-1000 и более пудов, для благовеста в воскресенье; праздничный колокол, от 1000 до 2000 и даже до 4000 пудов, употребляется в большие двенадцатые праздники и царские дни.

Впрочем, такое назначение и употребление колоколов не строго обязательно, и в Уставе церковном по этому поводу есть даже оговорка: “Аще как захочет настоятель”. Далекое не в каждой церкви существует весь перечисленный набор колоколов, и, например, полиелейный колокол часто заменяет воскресный и наоборот, а в сельских церквах колокол в 100—200 пудов исполняет обязанность всех перечисленных колоколов. Есть и обратное явление, когда несколько колоколов на колокольне остаются без употребления, и к языкам их почему-то не привязывают веревки для звона, может быть, потому, что звонари не умеют справляться с большим числом колоколов. Таких колоколов без употребления, говорят, находится много и на колокольне Ивана Великого, где у них сняты языки. Кстати сказать, самый звон на Иване Великом не имеет единства, потому что колокола размещены в разных ярусах колокольни и даже в пристройке сбоку ее, а каких-либо приспособлений для единства звона там не делают, да и не умеют делать.

Главным недостатком нашего современного звона является именно отсутствие единства в звоне, так как у нас звонят не одновременно и как придется, так что отдельные колокола перебивают друг друга, не соблюдается того, что на языке музыки называется тактом. По этому поводу Смагин говорит в своей записке: “Как бы хорошо ни звонил звонарь в верхней палате (ярусе), а если большой колокол, висящий внизу, не соблюдает такта, то он портит хороший звон в верхнем ярусе”. Для устранения этого недостатка, то есть

отсутствия одновременности или такта в звоне, Смагин придумал приспособление следующего рода: сбоку большого колокола он устраивает вилку-пружину, и когда звонарь ударяет языком в край колокола, то шейка языка ниже края колокола ложится в эту вилку-пружину, которая дает знать момент удара вверх, и верхние звонари на эти знаки или указания должны смотреть как певчие на регента; тогда в звоне будет соблюдено деление, и самый звон становится тогда законченным, одновременным как сверху, так и снизу”.

Большое место отводит Смагин в колокольном звоне также оттенкам исполнения.

В вышеупомянутой записке он говорит, между прочим, что, занимаясь многие годы колокольным звоном и, собирая различные мотивы этого звона, он пришел к мысли связывать эти мотивы один с другим, а также стараться удалять и приближать звуки колоколов, то есть выполнять при звоне то, что обозначается музыкальными терминами "форте" и "пиано", звонить тише и громче, так что при тихом звоне может казаться, что звонят где-то далеко; и все звонари по системе Смагина должны согласно выполнять эти оттенки.

Для достижения такого согласия в исполнении Смагин применяет аппарат так называемых баклушек, четырехгранных деревянных брусков, крепко насаженных на вертящихся осях. На сторонах баклушек имеются надписи: “начинать после перебора”, “стой”, “тише”, “сильнее”. Такие баклушки помещаются в каждом ярусе колокольни и соединены друг с другом веревками так, что одновременно повертываются одной и той же стороной, и все звонари видят одну и ту же надпись. Звонарь, находящийся в верхнем ярусе, управляет этими баклушками и, следовательно, оттенками исполнения.

Желательно, чтобы баклушка при повертывании ударяла в какой-нибудь маленький колокол с помощью особого крючка для того, чтобы звонари как-нибудь не просмотрели поворота баклушки.

Чтобы иметь полную возможность применять свое искусство, Смагин пользуется системой особого балансирования колоколов, то есть подвязывания к их языкам веревок.

Для полной благоустроенности звона необходимо, по Смагину, установить прежде всего четность в ударах в колокола, т. е. чтобы в данный промежуток времени производить во все колокола четное число ударов. При этом руководящую роль играют размахи языков очень больших колоколов (около 1000 и более пудов), так как в них можно произвести в известное время только определенное число ударов, ни больше, ни меньше, в силу того, что массивный язык, как говорится, сам ходит по инерции, и ускорить или замедлить его движение звонарь не может в силу его тяжести. Число ударов зависит от диаметра (поперечника), веса колокола и языка: из двух одинакового веса колоколов в более узко слитый колокол можно произвести в одинаковое время большее число ударов, чем в более широкий, потому что в колоколе первого рода размах языка укорачивается.

Балансировать языки колоколов - значит подвязать к ним веревки таким образом, чтобы один звонарь мог свободно управлять несколькими колоколами. Посредством балансирования звонарь может управлять в 3 раза большим числом колоколов, и этим соблюдается экономия в звонарях. Искусство балансирования находится в прямой связи с искусством самого звона. Тем лучше звонарь звонит, чем целесообразнее у него подвязаны колокола.

В колокола менее 800 пудов можно в определенное время производить и большее, и меньшее число ударов, смотря по тому, широк или узок колокол, а также в зависимости от усилий звонаря.

В колоколах от 150 пуд, и до самых маленьких языки можно подвязать веревками к нескольким центрам, привязываемым к доскам, которыми звонарь управляет посредством ног.

Балансировать колокола, то есть подвязывать языки нескольких колоколов к одному центру, можно до 500 пудов, а большей тяжести нельзя; крупные колокола, не тяжелее 300—500 пудов, балансируются тогда, когда не дают в определенную меру времени четного числа ударов, а если получается четный звон, то в эти колокола звонят в два края. При таком звоне на каждый колокол уже надобен отдельный звонарь. Звон в два края очень красив и торжествен в силу полной равномерности в движении и ударах языка.

В подробности балансирования колоколов я не вхожу, так как это дело самих звонящих, и каждый звонарь балансирует по-своему, как ему удобнее звонить. При том это такая практическая подробность, которая, как говорит Смагин, на деле виднее.

Путем подобных приспособлений и условий исполнения Смагин воспроизводит несколько родов церковного звона (точнее, трезвона), которые он успел собрать и частью сам составил в течение своей многолетней практики. Он исполняет, между прочим, несколько традиционных звонов, которые он называет историческими, а именно: Ростовский, Георгиевский, слышанные им в гор. Ростове Ярославской губ., Лаврский - звон Александро-Невской Лавры.

Эти исторические звоны Смагин желает сохранить во всей неприкосновенности и поэтому не допускает к ним, когда исполняет каждый из них самостоятельно, никаких добавлений в роде вступлений, переборов колоколов и т. п.

Больше свободы предоставляет Смагин звонарю в так называемом сборном звоне, составляемом из различных, в том числе и исторических звонов, и здесь он присоединяет и вступления, и переборы и т. п.

Наряду с пословицей “отзвонил и с колокольни долой”, которую Смагин называет непутевою, он не выносит и легкомысленного интереса к звону и в видах борьбы с таким отношением к нему считает надобным избегать однообразного повторения одной и той же фигуры в звоне и соединять с этой целью в звоне несколько фигур, которые устранили бы однообразие, а народ не говорил бы, что звонарь песню играет. Из соединения нескольких различных звонов в один Смагин образует таи называемый смешанный, сборный звон, где он предоставляет звонарю большой простор и даже право импровизировать на колоколах, вставляя свои новые фигуры, чем он и сам пользуется, причем у него проявляется временами творчество: иногда, по его словам, звонит он, звонит, и вдруг, сам не ждал, выходит новая фигура. При записывании звонов Смагина на ноты различные длительности нот следующим образом распределяются по колоколам: большие колокола исполняют половинные и четверти, колокола в левой руке - четверти или осьмые, а в правой руке - шестнадцатые или тридцать вторые.

К звонам Смагин прибавляет вступления, а именно: затравку - нечастый звон в один самый маленький колокол как предупреждение о начале звона; переборы — довольно скорые удары по одному разу во все колокола по порядку от самого маленького и до самого большого, после чего начинается “красный звон”.

Различные составные части звонов Смагин распределяет следующим образом, смотря по роду службы: в начале Всенощной бывает, как известно, 3 звона, — после благовеста в один большой колокол начинается “красный звон”, который исполняется Смагиным в 1-й раз без переборов, во 2-й и 3-й раз - с переборами, причем могут чередоваться разные исторические звоны:

1-й трезвон - "Ростовский" без переборов;

2-й - "Георгиевский" с перебором;

3-й - "смешанный".

За обедней после благовеста Смагин исполняет 3 трезвона: первый трезвон - стремя переборами "Георгиевский", второй трезвон - с одним перебором "Ростовский", третий - с одним "Лаврский".

В сентябре 1895 года я был в Москве, виделся со старостой Общества хоругвеносцев при кремлевских соборах и говорил с ним о состоянии звона в Москве. Он сам высказывал, что в Кремле у них звонят плохо, без толку, и заинтересовался рассказами об искусном церковном звоне.

Тогда же я виделся со старостой Кремлевского Успенского собора, известным оратором г. Плевако, и последний подтвердил, что кремлевский звон совершается у них беспорядочно благодаря тому, что колокола висят не только в ярусах колоколен, но и в пристройках сбоку, и звонари не видят и не слышат друг друга, что этот звон нуждается в улучшении, что когда в Москве и в Кремле звонят, то получается впечатление не правильного, хорошего звона, а звонящего города, что, правда, в своем роде, недурно; тем не менее вопрос о звоне в Москве, по крайней мере, в Кремле, остается открытым.

Со своей стороны Смагин в записке о звоне предлагал свое искусство и труд для коронационных дней в 1896 г., в Москве, когда он взялся бы устроить все описанные приспособления (недорогие - руб. 20-25) для звона, воспользовался бы бездействующими теперь на Иване Великом колоколами, подвесив к ним языки, обучил бы звонарей одновременному звону и своей манере звонить и мог бы во всей обширности воспроизвести звоны.

Сознавая, что состояние церковного звона у нас оставляет желать много лучшего и стремясь настойчиво к приложению и распространению своего искусства, он любит повторять свое выражение. “Я звон собирал 40 лет, дайте мне теперь его разнести”, то есть передать другим звонарям.

В случае, если бы ему пришлось заведывать организацией звона во время коронации в Москве, Смагин для обучения звонарей своим приемам звона мог бы воспользоваться пасхальными и царскими днями, когда звон бывает в течение целого дня

В. И. Машков

О колокольном звоне и прожитой жизни

Я не теоретик колокольного звона, а сугубый практик, и учеников своих обучал и обучаю на колокольне Расскажу о колоколах и колокольных, с которыми меня свела жизнь.

Седьмого мая 1907 г наша семья переехала жить в дом у Елоховского собора, и окна моей детской комнаты находились прямо напротив колокольни. Расстояние от подъезда нашего дома до входа на колокольню, как я позднее подсчитал, составляло 52 шага. Я рос под колокольный звон.

Моими любимыми игрушками были колокольчики, на Рождественскую елку я помещал бумажные колокольцы, которые мы делали сами. В четыре года я впервые попал на колокольню, в шесть лет вместе с отцом поднялся на колокольню Ивана Великого в Московском Кремле, которая всегда была открыта для посетителей.

Маленьким мальчиком пытался помогать звонарю Елоховского собора Алексею, который умер в 1920 г. В июне 1920 г меня пригласили помогать звонить в Елоховский собор. С колоколами Елоховского собора общался я до 1930 г., когда собор закрыли. После этого 15 лет я звонил на колокольне храма Преображения Господня вблизи Преображенской площади. В 1964 г храм по указанию Хрущева снесли. Не помогло даже заступничество Л.И.Брежнева. В этот же год меня пригласили в храм Апостолов Петра и Павла на Солдатской улице в Лефортове. Там было пять колоколов, самый большой - 80 пудов, звонил там уже будучи главным инженером большого завода. Одновременно посещал Ново-Девичий монастырь, где колокольный звон был слабым, неумелым. Четвертого ноября 1964 г. был приглашен старостой Ново-Девичьего монастыря, и с тех пор звоню в монастыре

Мои глубоко верующие родители воспитали меня православным, и это спасало и охраняло меня всю жизнь. Как звонаря меня наградили орденом Святого Благоверного князя Александра Невского и орденом Преподобного Сергия Радонежского, а также двумя грамотами за подписями патриархов Пимена и Алексия II.

На колокольне Ново-Девичьего монастыря было 15 колоколов. Один украли, один был неисправен. В звоне участвовали 13 колоколов. Три колокола - в правой руке - зазвонные колокола, которые дают весь рисунок звона. Левая рука ударяет по тросам, подтягивающим 8 колоколов к столбу. В два больших колокола звоню через педаль синхронно. Это большой Успенский колокол - дар царевны Софьи - весом 550 пудов и полиелейный, весом 220 пудов.

Здесь я учил молодых звонарей. Для хорошего колокольного звона нужно быть глубоко верующим человеком, как великий звонарь Смагин, любить звон, колокола. Без любви с колоколами лучше дела не иметь. Совершенствование в звоне достигается во времени. Звонарь - это не специальность, это Дар Божий. Колокольный звон, как и стихи, должен иметь свою рифму. Это очень важно.

Хорошо звучат колокола при легком морозце в 5-6 градусов. Зимой, когда металл становится хрупким, звонить надо осторожно, чтобы колокол не треснул. Несколько больших колоколов Московского Кремля было разбито матросами гвардейского экипажа во время коронации Николая II вследствие слишком сильных ударов языка о колокол.

Некоторые трели я делаю громкими, другие - тихими. У большинства современных звонарей звон на одном уровне

Колокольный звон - это часть Богослужения, он должен возвышать дух человека, устремлять его к горнему миру, а не развивать музыкальными мелодиями душевность, затрагивать эмоции и через них открывать путь страстям. Сравните песнопения знаменного распева до середины семнадцатого века и сочинения Веделя, Березовского, Бортнянского, находившихся под влиянием итальянской музыкальной традиции. Колокол - это не музыкальный инструмент, а церковный священный предмет „звонкая икона“, „умозрение в звуке“. Колокол - это голос Церкви, зовущий издали и посылающий привет как дворцам, так и лачугам..." Алексей Константинович Толстой хорошо это выразил в стихотворении „Благовест“:

„Среди дубравы блестит крестами храм златоглавый с колоколами.

Их звон призывный через могилы гудит так дивно и так уныло!

К себе он тянет неодолимо, зовет и манит он в край родимый,

В край благодатный, забытый мною, и, непонятной томим тоскою,

Молюсь и каюсь я, и плачу снова, и отрекаюсь от дела злого,

Далеко странствуя мечтой чудесною, через пространства я лечу небесные,

И сердце радостно дрожит и тает, пока звон благостный не замирает..."

В России не получили распространения карильоны - общее мнение было таковым, что при их использовании особенности той или иной службы теряются, утрачивается благолепие. Колокола не прижились в симфонических оркестрах. Там их заменили наборы металлических труб разной длины, подвешенных на специальной раме. Играют на них колотушкой, головка которой обтянута кожей. Колокольчики в оркестрах заменили неким подобием металлофона. Не все, что способно издавать звуки, можно и нужно использовать в качестве музыкальных инструментов.

Колокола - для спасения людей. Устраивать концерты колокольной музыки - кощунственно, по этой дороге наш народ уже однажды пришел к 1917 году. Не случайно Сараджев кончил свои дни в доме для умалишенных. Все это я рассказываю своим ученикам. Рассказываю и о том, что повидал и услышал.

Одно из ярких воспоминаний моего детства, когда наследник-цесаревич на благотворительном базаре в неделю ромашки в ответ на пожертвование подарил мне две свои фотографии, а государыня-императрица подарила моей бабушке три розы.

До революции лучший звон был в Сретенском монастыре у звонаря Ведике, справлявшегося с 22 колоколами. Незабываемое впечатление производили службы в храме Христа Спасителя. Я был крестоносцем у Патриарха Тихона, а архидьякон Розов был моим кумиром.

Недавно Митрополит Ювеналий пригласил меня в комиссию по отбору колоколов для восстанавливаемого храма Христа Спасителя. По моему мнению, лучшие колокола были отлиты Михаилом Алексеевичем Машиним, эти колокола не уступают лучшим

дореволюционным колоколам, в том числе колоколам завода Финляндского, находившегося в Спасском переулке у Сухаревой башни, куда я часто ходил с бабушкой. Незабываемое зрелище! Статья об этом заводе была опубликована в „Московском журнале“.

Самый лучший колокол весом 2200 пудов я слышал в Саввино-Сторожевском монастыре. Звук - просто волшебный: ноги приросли к земле; ударов колокола не слышно; как в море, волна-звук то нарастает, то затихает. Колокол отливали в 1667-1668 г. в самом монастыре в нескольких метрах от звонницы. Мастер Александр Григорьев, восемь его учеников, дружина мастеров Пушкарского приказа и сотня стрельцов отлили колокол

за очень короткий по тем временам срок -130 дней. В 1671 г. московский мастер Михаил Клементьев поднял колокол на средний ярус звонницы. В 1941 г. при наступлении немцев колокол погиб. А еще говорят о какой-то реституции!

Хороший колокол в Богоявленском соборе в Елохове весом 838 пудов. Хороший колокол был в Симоновой монастыре весом около 800 пудов. Особой торжественностью отличались звоны московских старообрядческих храмов. Когда мы жили у Елоховского собора, нашим соседом по дому был заводчик - старообрядец Григорий Федорович Куделин. Он построил в Лефортовском переулке церковь. Я там звонил. Колокола небольшие (самый большой 60 пудов, но прекрасного звона), и очень хорошо, как все, что делали старообрядцы, подобраны. Так что и с небольшими колоколами на звоннице можно очень хорошо звонить. Было бы желание, трудолюбие и любовь.

Игумен Михей

Звон в Троице-Сергиевой Лавре

Звон в Лавре сложный, быстрый. Учатся у нас год-два, за это время осваиваются лишь только с ритмами, а способность к импровизации у многих развивается, как правило, позднее.

У меня в юности было горячее желание звонить в колокола. Наставник мой, ОАлександр, в шестидесятые годы стал немощен, как-то сразу ослабел.

Начав звонить в 1962 г., я целое лето мучился: шла подготовка мышц, руки страдали от тросов, шло привыкание организма - привыкал к стоянию на одной ноге, тогда была одна педаль, теперь их пять, это очень много. Изучал книги Оловянишникова, Рыбакова, наставления знаменитого звонаря Смагина. До закрытия Лавры в 1920 г. на праздники звонили до 12 звонарей во главе с иноком О.Сергием, который был регентом левого хора в Троицком соборе.

О.Сергий не дожил четырех лет до открытия Лавры в 1946 г. Колокола Лавры молчали 26 лет. В 1927 г. погибли Царь-колокол весом 4025 пудов, Годунов весом 1850 пудов и Карноухий весом 1275 пудов. В 1946 г. начал звонить звонарь, ученик О.Сергия, Константин Иванович Родионов. Таким образом, преемственность колокольного звона в Свято-Троице-Сергиевой обители сохранилась. В Лавре обучают звонарей, но потребность в них несравненно больше. Необходимо организовать широкое обучение,

дать церковным звонарям правильные знания и навыки. В 1985 г архимандрит Евлогий, теперь Архиепископ Владимирский и Суздальский, позвал меня в Свято-Данилов монастырь собирать колокола и подбирать их по тональностям. Первая связка колоколов полечилась очень хорошая, но мне дали ученика, и его усилиями один маленький колокол треснул. Снова пришлось собирать связку - четыре колокола для правой руки. К сожалению, подобрать достойную замену для треснувшего колокола не удалось.

К колокольному звону нужно относиться ответственно, бережно, звонить можно только в Богослужебных целях, для спасения людей. Использование колоколов для музыкальных концертов, как это происходит в музее под Архангельском и в Петропавловской крепости в Питере, никуда не годится: люди взялись не за свое дело. Колокольный звон - это не музыка, а дело сугубо церковное, нельзя выдумывать пьесы для колоколов на разные темы и звонить.

Когда Глинка в опере „Жизнь за Царя“ воспроизводит колокольные звоны в качестве апофеоза победы русских над захватчиками и восстановления русского царства, он, отображая реальные события, воспроизводит православные уставные звоны. Когда великий Мусоргский в опере „Борис Годунов“ в сцене венчания на царство воспроизводит колокольные звоны, то он не сочиняет новые пьесы для колоколов, а воспроизводит традиционные уставные звоны. То же самое можно сказать о сочинениях Римского-Корсакова, Рахманинова, Свиридова. У русских композиторов был православный образ мыслей, и они знали, где вовремя остановиться, через какую черту нельзя переступить.

В русской светской литературе и поэзии воспет колокольный звон, именно русский православный уставной колокольный звон. Есть, что воспеть и чем восхищаться, а еще лучше обращаться к первоисточнику и регулярно посещать храм.

Использование колоколов в качестве музыкальных инструментов - большой грех, подтверждение тому - судьба Сараджева. Он, как мне говорили, занимался оккультизмом и, обладая музыкальными способностями, пытался оторвать колокольный звон от Богослужения. У врагов Православия колокола вызывают особую ненависть, недаром после революции были уничтожены почти все колокола. А их в России было более миллиона. Теперь колокола не сбрасывают, а пытаются осквернить их прямо на колокольне, увести их в мир, подменить их суть.

Звонарь должен быть верующим, ведь он исполняет святое дело евангельского приставника, созывающего званных на Великую Вечерю. Несуетно вникните в чин освящения кампана - там ключ к пониманию сути колокольного звона. Служение ученика-звонаря должно быть освящено прилежанием и любовью.

Звоны везде немного разные, ведь двух колоколов одинакового звучания не найдешь и не отольешь. Мне рассказывали: берешь две одинаковые формы и последовательно заливаешь расплавленный металл из одного и того же ковша, а звук колоколов - разный.

Мелодического звона не должно быть, уставной православный звон должен быть только ритмическим. Этого более чем достаточно для получения удивительно красивого звона. Вспомним ростовских звонарей дореволюционной школы и послушаем запись их звонов. Очень красивый калязинский звон - он одухотворяет слушающих.

Русские колокольные звоны - это Благодатью Святаго Духа духовное созидание православного народа Святой Руси. Колокольный звон иногда называют наружным Богослужением, молитвой в бронзе, его синхронизируют со службой в храме с помощью

колокольчиков-ясаков. Любые попытки механизации колокольного звона - от ленивства, в России это не прижилось, хотя попытки были. Когда звонарь обращается к колоколам напрямую с молитвой, звонит его душа, поэтому у каждого звонаря свой почерк.

В Свято-Троице-Сергиевой лавре звон не восстановлен полностью. Не хватает колокола пудов на 200-250 и больших колоколов. Колокола Лавры были описаны в начале века.

Если создавать практическое руководство по церковному колокольному звону, то его хорошо бы дополнить звуковыми записями звонов, особенно старых ростовских звонарей Бог даст, и колокольные звоны на Руси возродятся.

Михаил Макаров

На Даниловской колокольне

Приди, ты немощный,

Приди, ты радостный

Звонят ко всенощной,

К молитве благодной

И звон смиряющий

Всем в душу просится,

Окрест взывающий,

В полях разносится

" Был на днях в Звенигороде, ездил в монастырь Преподобного Саввы, отстоял Христову заутреню и два дня лазил на колокольню и звонил во все колокола. Славно очень отдохнул и получил большое удовольствие "

(Из письма ФИ Шаляпина М Горькому от 19 апреля 1913 года).

Не припомню, кто автор стихотворных строк эпитафия, но одно бесспорно - они любили церковный колокольный звон. И, уж, конечно, любил его всей своей широкой душой Ф. И. Шаляпин, о котором Горький сказал: "В русском искусстве Шаляпин - эпоха, как Пушкин".

Да и кто из русских людей, особенно из москвичей, не любил колокольного звона! Недаром Москва была так богата колоколами, а колокольный звон был её украшением.

Звон никому не мешал, никого не раздражал. Напротив, когда москвич, как и любой русский человек, слышал во время работы начало благовеста, он благоговейно крестился и с новой энергией продолжал заниматься своим делом. То же бывало и при звоне к Заутрени. Разбудит звон человека, не идущего в церковь, перекрестится он, скажет, зевая: "Звонят к Заутрени", повернется на другой бок и опять крепко заснет с миром в душе.

Если же колокольный звон будил человека, у которого имелось какое-либо дело, он воспринимал это как Божие благословение, крестился, вставал, приводил себя в порядок и с радостью принимался за труды.

ЗВОН

Много церковных звонов нашей округи проносилось над домом, где мы жили. Особенно радостны они были для меня по весне, когда плыли над москворецким ледоходом в неведомую страну, наполняя воздух благодатной отрадой, как талые воды наполняют живительной влагой готовую разукраситься весеннюю землю.

Когда звоны сливались вместе, получалась ни с чем не сравнимая, дивная симфония хвалы Богу. Но порознь больше всех звонов я любил звон Данилова монастыря, отличавшийся своей особенной дикцией. Да, именно дикцией. Большие колокола других звонов тянули: "бом-бом", или "бам-бам", или "бум-бум" или "бэм -бэм", или "лям - лям", а в голосе большого даниловского колокола ясно слышалось само слово "звон". Так и получалось: "звон-он - звон, зво-он - звон, зво-он - звон". В даниловском трезвоне различалось ничем не заслоняемое, четкое, красивое созвучие трех колоколов: большого, полиелейного и будничного, дополняемое стройной мелодией малых колоколов. Это было великолепно!

Вот звонят у Флора и Лавра: колокол побольше даниловского, весит 821 пуд, и бас колокола гуще, бархатнее, а четкости звука против даниловского не хватает. О трезвоне уж и говорить нечего.

Вот доносится трезвон Симонова монастыря. Звук льется свободно - монастырь на горе, над Москвой-рекой. Говорят, большой колокол там весит 2000 пудов, Красивый бас. Трезвон - как будто кто-то играет на фортепиано. А все против Данилова жидковато.

Вот звон Вознесения на Серпуховке. Большой колокол, видимо, около 500 пудов, баритон. И благовест, и трезвон слабее даниловского.

Вот звонят у Воскресения в Монетчиках и у великомученицы Екатерины на Ордынке. Большие колокола, наверное, по 1000 пудов. Звон почти такой же, как у Флора и Лавра. Издали даже спутать можно.

Вот слышится трезвон Донского монастыря. Опять по четкости далеко до даниловского, да и большой колокол пожиже.

О храмах на Полянке, Пятницкой и Ордынке (кроме великомученицы Екатерины), о Казанской на Калужской площади, о домовых храмах на Серпуховке говорить не приходится: там и благовестники поменьше даниловского, и набор колоколов победнее.

Где-то в вышине величаво проплывал над домом звон Кремля или храма Христа Спасителя, слышалось: "бу-у-у-у...", но четкости трезвона не было: далеко.

Даниловский звон больше других "просился в душу". Одно время я думал, что такое впечатление возникает из-за того, что жили мы довольно близко от монастыря. Но однажды летом (это было в 1920 году) я возвращался по Малиновой дорожке с прогулки из села Коломенского. Солнце клонилось к закату. Когда я начал спускаться с холма

против изгиба Москвы-реки, в Даниловом зазвонили. Звон отчетливо слышался в полях, плыл над рекой, над городом, и в лучах заходящего солнца это было дивно. Я невольно остановился и, зачарованный, слушал и смотрел... смотрел и слушал...

Да и в городе даниловский звон разносился далеко. Бывало, возвращаясь от всенощной из храма Христа Спасителя и уже где-нибудь у Болота узнаешь голоса даниловских колоколов.

Надо заметить, что большой даниловский колокол долго держал звук после того, как звонить переставали. Иногда, входя в монастырь, я заставал конец звона. Идешь через ворота, по монастырю, мимо Троицкого собора к его дверям и все это время отчетливо слышишь длящийся звук уже замолчавшего колокола: "У-у-у-у..."

Колокольня

Однажды, придя в монастырь раньше обыкновенного, я услышал за собой голос: "Брат, пойдем звонить на колокольню". Я оглянулся, с некоторым даже сомнением, желая убедиться, что это- приглашение относится ко мне. В нескольких шагах стоял звонарь - монах Андрей - и смотрел на меня. Как же я обрадовался! Сейчас полезу на колокольню, сейчас буду звонить! Я кивнул головой и пошел за Андреем. Дверь на лестницу колокольни была маленькая, с квадратным окошечком. Находилась она в стене ворот, со стороны монастырского двора. Сразу же за дверью - ступенька вниз, потом длинная деревянная лестница, уходящая вверх, над ней маленькая площадка, поворот и другой марш такой же лестницы. Затем поднимаемся по узким и очень крутым каменным ступеням, вырубленным прямо в стене. Через оконце видно, что мы уже на большой высоте - внизу осталась крыша трехэтажного монастырского корпуса, пристроенного к колокольне, лестница выводит нас на чердак надвратного храма Симеона Столпника. Пахнет пылью, душно от железной кровли. Снова деревянная лестница, и вот мы на колокольне. Высоко и раздольно! Воздух чистый. И далеко видно вокруг через восемь широких арок колокольни. В южную арку, глубоко внизу, виден дом настоятеля. Отсюда он казался совсем небольшим. И уж совсем игрушечным выглядел Святой колодец перед ним. Неподалеку от настоятельского дома, справа, виднелась апсида Троицкого собора, а поверх корпуса братских келий - его купол. Слева от дома настоятеля, насколько позволяли разросшиеся деревья, был виден храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. За южной стеной монастыря, на довольно значительном расстоянии от него торчала водонапорная башня какой-то фабрики, а несколько левее и ближе к монастырю - приходской храм Воскресения Словущего. За ним блестела лента Москвы-реки. Далее на юг уходили дома, за ними виднелись стальные переплеты железнодорожного моста через Москву-реку, а там, до горизонта- поля, и на горизонте - мягко окруженное садами село Коломенское. В дымке за Коломенским, несколько левее еле-еле угадывалось Царицыно. На восток вид был однообразнее: пути Павелецкой железной дороги, за ними кое-где Москва-река, дальше - поля. С северо-востока, на высоком берегу Москвы-реки, красовался Симонов монастырь с колокольней, увенчанной золотой главой, нестерпимо блестящей на закате. Левее Симонова виднелся Новоспасский монастырь и его огромная колокольня, а еще чуть левее и тоже с огромной колокольней - Андроников.

На севере возвышался Кремль, и Ивановская колокольня царила над ним. Левее господствовал над городом храм Христа Спасителя с его пятью золотыми главами, горевшими в ясные дни, как солнце. Все пространство до Кремля и храма Христа было

буквально усеяно главами замоскворецких церквей. Все сияло и переливалось в солнечных лучах, трогало самую душу.

На запад уходил бульвар, в конце которого горизонт захватывал Донской монастырь; справа от него решетила небо шуховская радиобашня.

Даниловские колокола

Колокола располагались на колокольне следующим образом. В северной половине звонницы помещался большой (праздничный) колокол. Он висел на дубовой балке, положенной на стальную конструкцию - станину. Видимо эту конструкцию устроили, чтобы сократить длину балки и увеличить прочность подвески колокола; Пока делали стальную станину, колокол закрепляли на невысокой деревянной звоннице, стоявшей близ колокольни. В литой надписи на колоколе обычно указывались имя и фамилия раба Божьего, в поминовение души которого изготовили колокол, какой мастер и когда его отлил. Вес колокола был выгравирован, видимо, по фактическому весу после литья. Мне очень крепко запомнилась цифра - 721 пуд; как сейчас ее вижу. Очень смутно в памяти моей проступает фамилия поминаемого: то ли Ляпин, то ли Лапин, а может быть, и Лялин. Ни его имени, ни имени литейщика я совершенно не помню. Забылся и год, когда был отлит колокол: 18-6-й, 1898-й или 1902-й, нижний край большого даниловского колокола находился на расстоянии чуть, более одного метра от пола. Поэтому под колоколом в полу было сделано закрытое крышкой углубление, в которое звонарь становился, когда собирался звонить. Колокол в тех местах, куда бил язык, блестел, словно его позолотили, а язык отполировался, как зеркало. Язык висел на стальном пальце, укрепленном на двух петлях, входивших в тело колокола с его внутренней верхней части. Место соприкосновения языка с пальцем было густо смазано чем-то черным. Может быть, поэтому язык качался легко и плавно и для звона не требовалось большого усилия. В южной части даниловской колокольни висел полиелейный колокол. Весил он 365 пудов. *(Позже Михаил Иванович припомнил, что имя мастера было Ксенофонт Веревкин. Это был, несомненно, выдающийся колоколотейный мастер. Он же отливал колокола для Московского Храма Христа Спасителя - авт.)* Это все, что мне твердо запомнилось из сделанных на нем надписей. Колокол был закреплен на деревянной балке довольно высоко, так что звонарь мог свободно стоять под ним. Язык колокола был подвешен на новом толстом ремне, продернутом несколько раз в ухо языка и в петлю на теле колокола. Когда язык раскачивали, ремень скрипел так сильно, что слышно было даже с земли, но первый же удар колокола заглушал скрип. Звонить в полиелейный колокол было утомительней, чем в большой, ведь размах языка был меньше, а удары - чаще. Будничный колокол, занимавший северную арку колокольни, весил 121 пуд. При настоятеле Данилова монастыря архимандрите Иоакиме в этот колокол звонили без трезвона в будние дни; звонили с земли, дергая за веревку, свисавшую через блок с колокольни. При новом настоятеле, епископе Феодоре, веревка была снята, и в будничный колокол стали звонить только с колокольни, а в мясоеды - всегда с трезвонном. Я не спрашивал, сколько весил каждый из четырнадцати трезвенных колоколов, но, судя по размерам их, надо полагать, что самый большой из них был не тяжелее 80 пудов. Насколько память позволяет мне вновь услышать звон даниловских колоколов, осмелюсь утверждать, что большой колокол звонил в ноту "до", полиелейный - в "ми", будничный - в "соль". Сочетания звуков при умелом трезвоне получались очень красивые. Зазвончики даниловские были совсем небольшие - от силы весом в один пуд, но голоса их были очень звонкими, и при трезвоне другие колокола никогда их не заглушали. Говорили, что один зазвончик - серебряный, а при отливке трех стальных в сплав не поскупились добавить

серебра. Кроме колоколов на надвратной колокольне в Даниловом монастыре было ещё три ясака; каждый весил не больше полупуда. Один ясак висел снаружи на алтарной стене Троицкого собора, второй - у алтаря храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, третий - у алтаря Покровского храма. Из алтаря храма Симеона столпника тянулась веревка на колокольню к одному из колоколов трезвона, который был также ясаком этого храма. У входа в корпус братских келий на земле лежало около десяти колоколов; вес наибольшего из них не превышал 150 пудов. Говорили, что эти колокола привезли в 1915 году беженцы из западных губерний. В 20-х годах некоторые из этих колоколов уже глубоко вросли в землю под тяжестью своей.

Брат Андрей

Когда мы поднялись на колокольню, я спросил:

- Отец Андрей, что я должен делать?

- Ты меня отцом не называй, я просто монах и при том очень грешный: куда ни плюнь, обязательно в мой грех попадешь. Это запомни и называй меня братом. А что до дела - будешь звонить в большой колокол. Перекрестишься, скажешь "Господи, благослови", встанешь вот сюда, возьмешься за веревку языка, раскатаешь его. Потом, с Божьей помощью, ударишь три раза с расстановкой, а потом звони на две стороны до конца трезвона. Сейчас давай слушать ясак. Как ясак зазвонит, так иди к большому колоколу и - с Богом, начинай.

Брат Андрей подошел к южной арке и встал у перил, облокотясь на них. Я сделал то же.

- Ты разговаривай со мной громко: я плохо слышу, - сказал брат Андрей.

- Наверно, оглохли от звонов? - спросил я.

- И на "вы" меня не называй. Раз брат, значит никакой не "вы". А оглох я в детстве. Очень любил купаться. Перекупался, простудился и оглох.

Раздался звон ясака. Благословясь, как учил брат Андрей, я начал благовестить в большой колокол. Брат Андрей остался у перил ждать выхода настоятеля из дома, что служило сигналом к трезвону. Парадная дверь настоятельского дома была видна отсюда, как на ладони. Владыка что-то задержался с выходом, и я с непривычки стал уже уставать, но - "назвался груздем - полезай в кузов" - приходилось терпеть и звонить. Вдруг брат Андрей опрометью бросился на площадку трезвона. Начался трезвон, продолжавшийся минут пять, пока владыка шел из дома в Троицкий собор. Вслед за этим трезвonom полагалось ещё два трезвона, каждый примерно по минуте.

От звона у меня заложило уши. Я устал, но виду не подавал. Все-таки брат Андрей это понял, но, соблюдая такт, прокричал мне: "Следующий звонить некому, уходить с колокольни и потом опять на колокольню - не стоит: не успеешь оглянуться, как уже опять надо звонить. Давай ждать следующего ясака". Мы опять подошли к перилам. Позабыв о наказе звать его братом, я спросил:

- Отец Андрей, это всегда закладывает от звона уши?

- Всегда, но скоро проходит. Надо перед звоном затыкать их ватой, хотя это мало помогает. Лучше, когда звонишь, открывай рот: скорее пройдет. "Отче наш" знаешь, поди. А кто там назван Отцом? - Бог. - Вот кто у нас общий Отец, а мы все братья. Господь прямо нам указал, чтобы мы никого не называли себе отцом на земле, потому что один у нас Отец на небесах. А ты меня, грешного и недостойного, опять называешь отцом, - и в глазах брата Андрея блеснули слезы.

- Вот я тебе сказал, - помолчав, продолжал брат Андрей, - не называй меня отцом. Это потому, что я недостойн этого. Однако из уважения к мудрости, к старости, к подвигам, к сану мы все ж таки называем некоторых людей отцами. Ну, а я-то - какой я отец? Чтобы называться отцом, надо хотя бы иметь образование, чтобы наставлять других или уметь повлиять на них. Вот наш владыка Феодор - он действительно отец. Как-то пришло указание из райсовета: всем монахам монастыря выйти на работы по трудовой повинности. Владыка поехал в райсовет. Что он там говорил - мы не знаем, но только это распоряжение было отменено, и монахи выполняли трудовую повинность по благоустройству монастыря, которую мы и так всегда выполняем - это наше послушание. А если бы меня послали в райсовет по этому делу, наверно" кроме смеха, из этого ничего не получилось бы. Вот тебе и отец!

Зазвонил ясак, и мы заторопились к своим местам для трезвона. Брат Андрей в трезвоне не был искусен. Всей локтевой частью левой руки он на жимал несколько цепей колоколов одновременно, без всякого разбора, правой же рукой подергивал веревки четырех зазвончиков. Трезвон получался какой-то однообразный, без игры: "тилим-дам, тилим-дам, тилим-дам". Брат Андрей хорошо знал этот свой недостаток и с радостью передавал трезвон дяде Николаю и Анатолию, очень часто приходившим на колокольню.

Дядя Николай

В отличие от брата Андрея дядя Николаи был настоящий звонарь. Лет пятидесяти, высокого роста, очень-очень худой и бледный. Совсем небольшая русая борода и усы. Одет всегда прилично: по косоворотке жилет с серебряной цепочкой и часами, поверх жилетки - пиджак, брюки заправлены в шикарные генеральские сапоги, на голове картуз - так и стоит перед моими глазами. Был он человеком рассудительным, говорил почти всегда не сразу, а после некоторого раздумья. Он был сапожником и по этой части тоже слыл большим мастером. "Мои сапоги ходят десять лет", - говаривал дядя Николай. И, как потом я узнал от его клиентов, это была суцая правда. Кроме сапожного дела и вдохновенного трезвона, у дяди Николая было еще одно любимое занятие - чтение. Брат Андрей глубоко уважал дядю Николая и за его сапожное мастерство, и за его звонарское искусство. Когда он появлялся на колокольне, брат Андрей с почтением и доброй улыбкой говорил ему: "Пришел позвонить? Воспой Господа! Во славу Божию!" - и становился где-нибудь сбоку от перил, освобождая дяде Николаю место у колоколов. Увидев меня в первый раз, дядя Николай сказал: "Остерегайся меня: у меня чахотка". "Как же вы ею заболели?" - спросил я. - "Запомни, малый, колокольный порядок: на колокольне все равны, все славят Господа, никаких "Вы" здесь нет. Спрашиваешь, как заболел? От чаю. Очень любил пить чай. Зимой распотеешь от чаю, выйдешь на улицу - тебя и охватит. Вот и простудился, и пошло: бронхит, трахеит, плеврит, теперь и чахотка, иными словами, туберкулез, болезнь очень заразная и опасная. Поэтому будь со мной поосторожнее. Раньше, когда пили квас, а чаю пили мало, простужались меньше, и люди были здоровее".

Звонарь - богослов

Я уже сказал, что дядя Николай был настоящий звонарь-художник. Надо добавить, что не только художник, а прямо-таки звонарь-богослов. Его трезвон не только радовал душу, но (самое главное!) возносил ее, заставлял молиться, молиться без слов. Замечательны были его зазвонки. Когда он зазванивал, то казалось, будто какие-то птицы-звуки радостно носятся вокруг колокольни и взывают ввысь. Не случайно при его трезвоне стаи голубей иногда летали неподалеку от колокольни наперегонки со стаей небесных звуков. Временами в середине трезвона дядя Николай мягко снимал звон зазвончиков и оставлял на фоне басового благовеста соло одного-трех небольших колоколов, нежно вплетавших свою мелодию в благовест. Это благодатно трогало душу, смиряло ее, звало к молитве.

Наряду с вдохновенными импровизациями у дяди Николая были особые композиции трезвона. Поражала своей величиестью композиция "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко", которую дядя Николай вызванивал после Всенощной три раза в год: на Воздвижение, на первый Спас и на Крестопоклонную. Иногда после Всенощной он исполнял композицию "Слава в вышних Богу". Это было, очевидно, Великое славословие киевского распева, переложенное дядей Николаем для даниловских колоколов. Оно умиляло, вселяло в сердце покой и тишину, готовило к мирному и безмятежному сну. Композицию "Блажен муж", тоже на киевский распев, дядя Николай исполнял за Всенощной при звоне к Евангелию. Она прекрасно передавала предвечернее настроение души, и, мне кажется, именно поэтому дядя Николай вызванивал ее только на закате солнца. А из-за того, что размах языков большого и полиелейного колоколов был неодинаков, звонили они вразнобой. Поэтому дядя Николай предпочитал трезвонить без полиелейного колокола, но его не смущало и включение этого колокола в трезвон. На этот случай у него был особый трезвон, который мне очень нравился именно своим разнобоем. Казалось, что трезвонят несколько колоколов. Выходило необычайно торжественно.

Дядя Николай любил, чтобы трезвон заканчивался, обрываясь на всех колоколах сразу. Он требовал, чтобы звонари на большом и полиелейном колоколах внимательно следили за его трезвонком. Как он начнет поднимать мелодию вверх, учащая такт, - значит, близок конец трезвона. Одновременный удар во все достигаемые для него колокола означал конец, как бы точку в звоне. В этот же момент надо было оборвать звон большого и полиелейного колоколов. Получалось очень красиво. И после такой "точки" долго еще гудел взбудораженный звоном металл колоколов. "Дядя Николай, почему ты так прекрасно трезвонишь?" - однажды спросил я его. - "Это дело хитрое. Трезвон - та же музыка. Но только музыка особая. В обычной музыке все инструменты известны и известны все ноты, которые они могут сыграть. А тут дело другое. Приходишь на колокольню и не знаешь, какой колокол какую ноту прозвонит. Надо сначала прослушать каждый колокол, какую ноту он звонит, а потом хорошенько продумать, как же ты будешь трезвонить - подобрать трезвон. И вот, когда все это продумаешь, тогда и иди к трезвону. А тут опять загвоздка: поймут ли твой трезвон? Трезвонить надо так, чтобы все тебя поняли, чтобы твой трезвон дошел до каждого и тронул его за душу. А это очень трудно. Господи, даруй мне красоту трезвона! А имеющим уши слышать даруй, чтобы они услышали эту красоту!"

Купеческий обычай

"Дядя Николай, у тебя большой талант, ты так хорошо трезвонишь, что мог бы брать за это деньги", - сказал я как-то дяде Николаю. "Ты, малый, с виду будто хороший, а почему-

то думаешь, как Иуда-христопродавец. Господь дал мне талант трезвона - я должен его преумножать и бесплатно радовать людей. Туне приял - туне отдаю. Для меня трезвон - большая радость. А я своей радостью не торгую. Вон, московские купцы очень любили звон колокола, и сами любили звонить - так они сами платили, чтобы позвонить". - "Как же это?" - "А вот как. Соберутся московские купцы в Великий Четверг в Кремле после обедни на крыльце храма Иоанна Лествичника, что под колокольной Иван Великий. Договорятся о размере пая на жеребьевку. Пай был очень большой - сотни рублей. Тут же соберут с каждого желающего эти пай. По числу пайщиков нарежут талоны, из них на двенадцати талонах напишут слово "звон", завернут, перемешают талоны и заложат их в картуз одного из купцов. Позовут из нищих мальчика или девочку тянуть жребий. Вытянут двенадцать счастливых жребиев и разойдутся, одарив из паевых тянувшего жребий такой суммой, что он или она, со всей своей семьей сразу перестают быть нищими. Остальные деньги жертвовались на благотворительные дела. А двенадцать счастливых - это те, кто зазвонят для всей Москвы в большой кремлевский колокол к Светлой Заутрени". Дядя Николай закашлялся, а потом продолжил: "А ты говоришь о какой-то наживе на трезвоне. Да я, даже если буду умирать с голоду, и тогда не возьму никаких денег за трезвон. Это ведь хвала Господу. А сейчас я живу, слава Богу, хорошо. Шью сапоги, хорошо зарабатываю и ни в чем не нуждаюсь".

Колокольный тон

"Дядя Николай, ты говоришь: каждый колокол имеет свою ноту. Как получается эта нота? В эту ноту колокол специально отливают или она получается сама собой?" - "Думаю, что получается случайно. А потом, когда покупают колокола, выбирают их по нотам. Правда, я слышал, что есть такие колокольные мастера, которые сразу отливают колокола в нужную ноту. Не знаю, насколько это верно. Отлить колокол, чтобы он был звонкий, - это уже само по себе очень большое мастерство. А отлить его в определенную ноту - это уже почти невозможно. Ведь нота колокола зависит от многих причин: от того, какие металлы входят в сплав, от величины колокола, от его формы. У мастеров, конечно, есть свои секреты. Говорят, будто мастера в тех случаях, когда колокол не получился в требуемую ноту, "вгоняют" его в эту ноту: либо подпиливают его толщину, либо ставят в его толщину заклепки. Лить колокола - дело хитрое, не то, что шить сапоги, - рассмеялся дядя Николай и, немного подумав, добавил: - Хотя и шить сапоги, если это делать от души, оказывается, не так-то просто".

"На все ноги"

"Заказчики разные, и сапоги тоже приходится шить самые разные, - продолжал дядя Николай. - Сапоги охотнику - чтобы не промокали. Старик-купцу подай сапоги со строгим скрипом, чтобы скрипели: цыц- цыц, цыц-цыц. Молодому купцу нужны сапоги тоже со скрипом, но с нежным: зи-зи, зи-зи. Гусару требуется звонкий, отрывистый скрип, да еще в тон шпор: зинь - зинь, зинь-зинь. Пехотный офицер скрипа не выносит и требует только, чтобы сапоги были красивые да попрочнее. Архиерей просит мягкие сапоги: стоять много приходится. Недавно меня благодарил владыка Феодор. "Спасибо, - говорит, - дядя Николай, тебе за сапоги: сшил такие воздушные, что нога их не чувствует: как будто и сапог нет. Многая тебе лета за твое мастерство!" Давно как-то шил по рекомендации сапоги Алексею Ивановичу Соболевскому - большой ученый, академик; живет у Горбатого моста, близ Десятинского переуллка. Тот заказал сапоги мягкие, чтобы

удобно было лазить по крышам". - "Зачем же академику лазить по крышам?" - "А как же? Он ведь любитель-голубятник. По этому голубиному делу приходится побывать и на крыше. Принес я ему сапоги и говорю: "Алексей Иванович, мне такие сапоги пришлось шить впервые, шил по догадке. Поносите недельку, а потом скажете, может, что надо будет поправить". Согласился. Прихожу через неделю. Книг везде - сила. Столько книг я никогда ни у кого не видел. Приводит в сад. Гляжу, у дерева стоит большое ведро, полное прекрасных яблок. Он берет это ведро и говорит мне: "Очень благодарю Вас за сапоги. Таких сапог я еще не носил. Спаси Вас, Господи. Прошу кроме платы принять от меня вот эти яблочки." - "А куда же их ссыпать?" - "Некуда? В таком случае берите их вместе с ведром и кушайте на здоровье. Дай Вам Бог всего хорошего".

Дядя Николай немного помолчал, а потом добавил: "Теперь, после революции, требования стали проще, но и интерес к работе у меня стал меньше: нет заковыристых заказов".

Еще задолго до закрытия Данилова монастыря я перестал встречать там дядю Николая. И на колокольню он больше не поднимался. Очевидно, причиной тому было внезапное обострение чахотки.

Анатолий

Анатолию было лет шестнадцать. Серые, широко раскрытые глаза, казавшиеся от этого немногоязыкате. Небольшого роста, плотный и очень энергичный. Талантливый. Он принадлежал к тому типу людей, которые способны к любой работе, к любому делу.

Анатолий учился в школе и прислуживал в церкви: держал служебник епископу Феодору, а в его отсутствие - другим архиереям, часто и подолгу живавшим в монастыре. Однажды, когда не было архиерейской службы, Анатолий взобрался на колокольню и зазвонил в большой колокол. Ему это, видимо, понравилось. С тех пор он стал часто приходить и звонить в большой или в полиелейный колокол. А то и просто поднимается на колокольню, стоит, присматривается и слушает, склонив немного голову набок и скосив глаза в сторону звонаря. Так продолжалось некоторое время. Наконец однажды, придя на колокольню, он обратился к брату Андрею: "Брат Андрей, я хочу потрезвонить. Можно мне?" Брат Андрей кивнул голову в сторону дяди Николая и сказал: "Спроси дядю Николая - он у нас главный." Дядя Николай улыбнулся и с сомнением произнес: "Потрезвонь, если у тебя получится". А сам к моменту трезвона встал на подстраховку, если звон не удастся. Когда Анатолий закончил трезвонить, дядя Николай с восхищением спросил его: "Кто ж тебя научил так хорошо трезвонить?" - "Сам научился, - отвечал Анатолий, - слушал твой трезвон, смотрел, как ты трезвонишь, и научился". - "Молодец! Приходи почаще".

- "Буду ходить, когда служба без архиерея".

Так появился на колокольне новый звонарь-мастер - Анатолий. Он трезвонил действительно очень хорошо. Но его трезвон отличался от трезвона дяди Николая. У того трезвон звал ввысь, и сам возносился, как кафельный дым, к небу. Трезвон Анатолия как бы стлался по земле, звал куда-то вперед, был широким, полнокровным и, если можно так выразиться, коренастым, как сам Анатолий. Его трезвон вселял радость, но это скорее была радость земли, чем радость неба.

Анатолий не выносил разнобоя в трезвоне. Чтобы устранить разнобой, он стал приводить на колокольню двух сильных парней, которые вдвоем придерживали во время трезвона язык полиелейного колокола, принуждая его звонить одновременно с большим колоколом. Звон получался очень мощный. Однажды Анатолий затрезвонил совсем уж необычно. Слышалась мелодия знакомая, но совершенно далекая от церковного звона. Напрасно силился я припомнить, где же я слышал что-то подобное? После трезвона Анатолий, хлопнув меня по плечу, весело спросил: "Ну, как? Понравилась тебе колокольная "Коробочка?" - "Как "Коробочка" - это хорошо, но это совсем не по церковному". - "Я все думал, подберу ли я "Коробочку" на колоколах, и долго ломал голову, как это сделать. Оказывается, подобрал!" - радостно воскликнул Анатолий. Через полчаса на колокольне появился Митя Воскресенский - келейник владыки Феодора - и спросил: "Кто сейчас трезвонил?" - "Я", - ответил Анатолий. "Тебя владыка зовет к себе". Минут через сорок пять Анатолий вернулся и говорит: "Владыка меня спросил, как я научился трезвонить и что это такое трезвонил сейчас. Я ему рассказал". - "Молодец! Трезвонишь ты хорошо, - похвалил владыка, - но только сам должен понимать: такие разухабистые вещи, как "Коробочка", для церковного трезвона не годятся. Ты слышал, какие дивные мелодии есть у дяди Николая? Вот и подбери что-нибудь вроде этого. Я знаю, у тебя получится. Благословляю тебя на это дело". И у Анатолия получилось. Как-то за Всенощной он протрезвонил к чтению Евангелия "Воскресение Христово видевше". Вышло очень хорошо. Но, на мой слух, фон большого колокола был не совсем в такт мелодии. Жаль, что дядя Николай не слышал, уверен, он подсказал бы, как это исправить.

В 1923 году Анатолий перестал ходить на колокольню. Он был занят подготовкой к экзаменам в Московский университет, юридический факультет, который он потом успешно окончил. Впоследствии Анатолий стал видным работником внешней торговли. Умер он в конце пятидесятых годов.

Шилыч

Так прозвали в школе моего друга детства и школьного товарища Сашу Шилова, который очень любил звонить в даниловский большой колокол, но приходил на колокольню только вместе со мной. Он всегда охотно шел в монастырь ко Всенощной, радовали его мрак на колокольне, бесчисленные московские огни внизу, звон в темноте. Странно, что будучи музыкантом, он ни разу не пробовал трезвонить; может быть, потому, что и я тоже никогда не трезвонил. Правда, однажды я было отважился, но у меня ничего не получилось. Для трезвона необходимо "музыкальность" обеих рук и ног, а этого качества у меня нет. Потом Шилыч поступил в институт Коган-Шабшая, ему все было некогда, и он перестал ходить на колокольню. Шилыч стал поэтом и певцом - солистом Краснознаменного ансамбля Советской Армии имени А. В. Александрова. Он умер в марте 1970 года.

Ерёмка

Ерёмка - мальчик лет пятнадцати - приходил звонить в полиелейный колокол. Полного его имени я не знаю; неизвестна мне и его дальнейшая судьба. Это был простой, бесхитростный, добрый мальчуган, недавно приехавший из деревни. Мне он запомнился своим простодушным рассказом о нечистой силе. Шла Всенощная накануне Воздвижения. Мы "ясачили" перед перезвоном на вынос Креста. У нас на приступке к месту трезвона

стоял фонарь со свечой. Вдруг откуда-то налетел ветер и задул фонарь. Вместо обычного полумрака на колокольне стало почти совсем темно. Только звезды светили. Луны не было. "Я боюсь", - вдруг произнес Еремка. "Чего же ты боишься?" - спросил дядя Николай. "Нечистой силы", - ответил Еремка. Дядя Николай усмехнулся: "Вот что выдумал! Откуда на колокольне нечистая сила!?" - "А она всегда хочет напасть на колокольню, чтобы помешать звону. В деревне я с дедом звонил на колокольне. У нас она высокая и колоколов много. Пришли мы с дедом на колокольню, чтобы звонить к Рождественской Заутрене. Стоим на колокольне, ждем ясака. Вот так же темно было. Вдруг слышим: по лестнице на колокольню бегут, топчут и как будто какие-то большие птицы крыльями машут, за стены задевают, визжат и свистят: ж-ж-ж-з-з-з. Все ближе и ближе ко входу на колокольню. У меня волосы встали дыбом. Но дед все-таки не растерялся: стал крестить дверь, а сам шепчет: "Господи, силою Честного и Животворящей Креста Твоего огради нас от козней диавола!" Злобно воют они и визжат у самого входа, а войти на колокольню не смеют. Потом завизжали еще громче и отступили. Мы стоим ни живы, ни мертвы. Слышим, опять собираются и опять пошли на приступ, опять совсем близко к нам. Дед снова стал крестить дверь с теми же словами. Те завыли ещё громче и отступили. Тут дали сигнал звонить. Мы с дедом и ударили в большой колокол, ударили из всех сил. И слышим, как со свистом и воем они скатились с лестницы и отлетели от колокольни. Я видел даже, как что-то черное пронеслось мимо колокольни". "Не знаю, - выслушав Еремку, сказал дядя Николай, - может быть, вам что-то померещилось. Вряд ли нечистая сила могла приблизиться к колокольне, да еще в рождественскую ночь. Ведь колокола освящены. И звон тоже освящает воздух. Колокольный звон изгоняет из воздуха все дурное, и люди при нем становятся смиреннее и добрее..."

Зазвонил "ясак" Троицкого собора и мы разошлись по своим местам к перезвону.

Даниловская колокольня - одна из ступенек моей жизни. На этой ступени я всегда чувствовал большую радость и необыкновенную легкость на душе, как будто у меня за спиной отрастали какие - то неведомые крылья. Несомненно, это происходило потому, что я был тогда участником церковного колокольного звона - звона, освящавшего воздух, звавшего людей к молитве, возносившего их души к небу.

Это отнюдь не только личное, субъективное впечатление моего отрочества и юности. Известный знаток и мастер колокольного звона К. К. Сараджев охарактеризовал подбор колоколов Данилова монастыря как "имевший выдающуюся художественно-музыкальную ценность.(Цветаева А.И., Сараджев Н.К. "Мастер волшебного звона". - М.. 1966, с. 167).

После закрытия монастыря в 1930 году даниловские колокола, по-видимому, были проданы в США. По некоторым сведениям, они находятся на звоннице Гарвардского университета.

Церковь Флора и Лавра на Зацепе расположена на углу Зацепской площади, против Стремянного переулка. Теперь колокольня сломана, а в храме находится какая-то мастерская. На колокольне церкви Флора и Лавра я часто бывал и поэтому хорошо помню вес большого колокола. Недавно храм был возвращен Русской Православной Церкви.

Ныне Октябрьская площадь. Церковь Казанской Божией Матери снесена в 1972 году.

Малиновая дорожка вела через малинники и вишневые сады кратчайшим путем с западной окраины села Коломенского на изгиб Москвы-реки против верещагинской дачи. Дача художника Верещагина находилась на высоком холме, с которого открывался

захватывающий вид на Москву. Это неподалеку от нынешнего завода им. Карпова. Во времена моей юности дачи уже не было - она сгорела в начале нашего века, но место, где стояла дача, можно было узнать по липам, высаженным по её периметру. Кстати сказать, Коломенское и его продолжение - Садовники - буквально заваливали наш район малиной, вишней и овощами.

“Болотом” называлось место, где был Болотный рынок. Теперь там сквер и памятник И. Е. Репину, напротив - кинотеатр "Ударник".

Восемь арок даниловской колокольни ориентированы по сторонам света: север, юг, восток, запад, северо-восток, северо-запад, юго-восток, юго-запад.

“Ясачить” у нас означало ждать сигнала ясака к звону. Сам же ясак - маленький колокол, висящий на наружной стене храма близ алтаря. Шнур от его языка протягивается в алтарное окно.

Епископ Волоколамский Феодор (Александр Поздеевский, 1876 - конец 40-х годов) был настоятелем Данилова монастыря с 1917 по 1930 год. При владыке Феодоре Данилов монастырь стал самым популярным в Москве. Он пополнился образованными, строгими, новыми монахами. Видимо, они пришли в обитель вслед за владыкой из Духовной академии, где он прежде был ректором.

В начале 60-х годов в храме Всех Святых, что у метро "Сокол", я познакомился с певчим левого клироса дедушкой Василием. Он мне рассказал об обычае московских купцов почти то же самое, что и звонарь дядя Николай, но, по его словам, в Великий Четверг в числе двенадцати счастливцев оказывались купцы, внесшие самые большие паи. Какая версия истинна? Возможно, в разные годы было по-разному. От дедушки Василия я узнал также, что среди купцов ходила шутка о протодиаконе Андрее Шаховцеве - предшественнике знаменитого архиерея Константина Розова. В Москве есть три чуда: Царь-колокол, Царь-пушка и протодиакон Андрюшка.

О феноменальном голосе протодиакона Андрея Шаховцева среди московских старожилов сохранилось такое предание; когда Шаховцев возглашал многолетие на Ивановской площади в Кремле, оно отчетливо было слышно на другом берегу Москвы-реки. Еще о дедушке Василии: он внес во Всехсвятский храм Тихвинский образ Божией Матери с большим киотом к нему.

В 1931 году мне довелось побывать на колокольне Саввино-Сторожевского монастыря, где на Святой неделе в 1913 году звонил Ф. И. Шаляпин. Увы! Там оставался только один большой колокол весом в 2000 пудов - знаменитый звенигородский колокол, второй в мире по звучанию, да маленькие колокола курантов. Экскурсовод говорил, что в колоколе имеется семь заклепок, назначение которых неизвестно. Вспоминая сейчас дядю Николая, я подумал а не “вгоняли” ли этими заклепками колокол в нужную ноту? К сказанному с сожалением должен добавить, что большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря погиб во время Великой Отечественной войны (*Соболевский А И (1856 - 1929) - известный филолог, с 1900 года - академик*)

Хотя владыка Феодор был настоятелем Данилова монастыря вплоть до его закрытия в 1930 году, однако уже с 1922 года владыке почти не приходилось бывать в обители. Сначала он находился в заключении, а затем - в ссылке. Однако это не уменьшило притягательности Данилова монастыря. В нем подолгу жили и служили епископы Гурий, Амвросий, Валериан, Парфений, Филипп, нередко служил митрополит Серафим

(Чичагов). Поэтому в отсутствие владыки Феодора архиерейская служба в Даниловой почти не прекращалась. Говорили, что после войны владыке Феодору было разрешено вернуться в Москву, но он до конца своих дней оставался в Средней Азии, куда был сослан. Возможно, ему было тяжело представить, как вернется он в город, где уже нет столь любимого им монастыря. Впоследствии - митрополит Вильнюсский Сергей. Вскоре после войны был застрелен, когда выходил из вильнюсского собора.

Приложение

Н.П. Розанов

О времени благовеста при Церкви в Москве

(Из майской книжки Душеполезного Чтения 1868 года).

Патриаршее постановление было не начинать в городах при церквях благовеста прежде соборного. Митрополит Рязанский Стефан (Яворский), после патриарха Адриана управлявший патриаршею областью или Московскою епархию, указом 7 марта 1705 г. подтвердил, чтобы в Москве при церквях отнюдь не было благовеста ранее Успенского соборного благовеста. Ежели же в какой церкви случится праздник, то накануне того праздника приходите попам для благословения к пр. Митрополиту и записываться в Приказе церковных дел, кому приказано будет праздновать со Всенощным бдением, а к Литургии благовестить порану прежде соборного благовеста для водоосвящения. Буде же священники в подобном случае не придут для благословения к Митрополиту и в Приказе церковных дел не запишутся, то на тех священниках править пеню по 2 руб. по 14 коп. без пощады."

В 1714 году указом Митрополита июня 9 пеня за благовест не в одно время с соборным, возвышена до 10 рублей.

Московская Дикастерия, по учреждении в 1721г. Св. Синода, открытая в Московской епархии, также наблюдала, чтоб при Московских церквях не был благовест прежде соборного. Особенно в дни крестных хождений и в торжественные, например, в Пасху; в это время не только ранее, но и позже соборного не велено производить в церквях благовест.

В 1726 году 11 мая Дикастерия объявила в Москве старостам поповским (благочинным того времени) наблюдать, где услышан будет благовест не в одно время с соборным, и доносить в канцелярию Дикастерии немедленно; а на ослушниках брать штрафы, по упомянутому указу М. Стефана 1714 года июня 9 дня по 10 р. "Ежели старосты поповские о том не донесут, штраф брать с них вдвое".

В 1727 г. 31 июля новь объявлено Московским священникам при церквях иметь благовест по соборному, а прежде и весьма поздно, не в обычные часы, отнюдь бы благовеста нигде не было. Для лучшего же соблюдения правил о благовесте к церковному служению,

Дикастерия тогда постановила, за дальностью соборного благовеста, слушать звон при следующих церквах, а именно:

- Ивановского сорока в Ивановском девичьем монастыре, - у великомученика Никиты за Яузою.
- у Воскресения в Барашах,
- у Ильи Пророка, что на Воронцовом поле,
- у Сретенского в Сретенском монастыре,
- у Спаса, что в Пушкарях,
- у Успения на Покровке, у Харитона Исповедника,
- у Никитского в Никитском,
- в Егорьевском и Страстном монастырях,
- у Вознесения, что за Никитскими воротами,
- у Пречистенского, в монастырях:
 - в Воздвиженском,
 - в Алексеевской девичьем (бывшем на Пречистенке),
 - в Зачатьевском девичьем,
 - у Николоявленской церкви, что за Арбатскими воротами,
 - у Замоскворецкого, - церкви Воскресения Христова, что в Кадашеве,
 - у Николая Чудотворца, что в Берсеневке,
 - у Космы и Дамиана, что в нижних Садовниках,
 - у Иоанна Воинственника.

При сем Дикастерия не преминула присовокупить: “Ежели церковники в слушании церковного благовеста будут поступать нерадиво и несохранно, как предписано, и от того в сороках у прочих церквей учинится благовест преждевременно, на таковых церковников без всякаго милосердия взят будет штраф: за первый случай нерачения - 2 рубля, за второй - вдвое, за третий - втрое; а кроме того, они будут наказаны и лишены своего чина”.

Св. Синод, бывши в Москве в 1731 году, с неудовольствием заметил, что в Пасху 19 Апреля начали в некоторых церквах благовестить ранее соборного, и велел подтвердить, чтоб отнюдь в церквах благовеста прежде соборного не было.

По указу Св. Синода от 9 июля 1744 г., Московская Дикастерия наименована Консисториею. Консистория не раз указывала Московским священнослужителям на выше

изложенное распоряжение Дикастерии относительно соблюдения порядка в благовесте церковном.

Митрополит Тимофей, с кафедры Киевской епархии 23 января 1768 года прибывший на кафедру Московской епархии того же года 4 мая, дал предписание, чтоб по сем в Москве церквам и монастырям благовест как к Всенощным, так и Литургиям, и Вечерням был по благовесту большого Успенского собора непременно, то есть не ранее и не позднее, особенно к Утрням. Когда в соборе бывает благовест ко Всенощным с вечера, то и по всем церквам и монастырям быть Всенощным с вечера ж.

Преосвященный Амвросий также не допускал беспорядка во время благовеста при церквах. В 1770 году Преподобный в Великий пост, когда услышал, что при некоторых церквах благовест к часам производится прежде соборного, велел Консistorии вызвать виновных и наказать за нарушение порядка, “а закащикам или благочинным посланы указы, чтобы никто благовеста прежде соборного производить не дерзал”.

Всенощные в Москве совершались с вечера при государыни Елизавете Петровне с 25 апреля, яко дня коронации государыни, и продолжались до 16 августа, а при Государыни Екатерине II с 21 апреля, яко дня ея рождения, и продолжались до 15 августа.

В 1772 году июля 13 Московская Св. Синода контора разрешила в Москве отправлять в монастырях и церквах в храмовые праздники, бывающие в летнее время, с вечера Всенощные с обыкновенным благовестом и звоном.

Во время пребывания государыни Екатерины II в Москве в 1773 году, из главного дежурства при государыни, 22 апреля объявлено было, чтобы в наступающий праздник св. Пасхи ко всенощному бдению при церквах не начинали благовеста, прежде чем дан будет сигнал из трех пушек и начнется благовест соборный на Ивановской колокольне.

Преосвященный Платон, вступивший на кафедру Московской епархии в 1775 г. 21 января, всегда наблюдал, чтобы в день св. Пасхи благовест при церквах московских производился не иначе, как по благовесту соборному. В другие дни, особенно праздничные, причты также обязаны были начинать благовест при церквах не прежде благовеста соборного; наблюдение за сим поручалось благочинным, а иногда консисторским солдатам. На дни Страстной седмицы и Светлой недели заранее был объявляем чин благовеста или показание, в какие часы и к какой службе начнется соборный благовест, по которому должно было производить благовест при церквах. За начатие благовеста прежде соборного взыскивался с причтов штраф от 3 до 10 рублей. Консисторским солдатам за открытие нарушителей порядка шла доля из штрафа. Не избавлялся от штрафа и тот причт, который производил у себя благовест по примеру другой церкви, начавшей благовест прежде соборного. В обыкновенные дни велено было при церквах производить благовест к Утрени не позже 6 часа по полуночи, а к Вечерни не позже 6 часа по полудни. Приходские священники для служения с вечера дни храмовых праздников испрашивали разрешения Преосвященного или, в небытность его в Москве, Консistorии. Но в 1785 г. мая 6 Преосвященный объявил, что на праздничные храмовые дни, бывающее от 21 апреля по 15 августа, ко Всенощным благовест с вечера производить и без доклада не запрещается. Пр. Платон не любил, чтобы при церквах, особенно в неспрашующие дни, благовест производился долго. Он по одному случаю велел благовест при церквах к Богослужению продолжать не долее полчаса.

При государе Павле Петровиче Всенощные велено было начинать с 5 апреля, как дня празднования коронации государя. Если число это приходилось на Страстной неделе, то

празднование дня коронации совершалось в понедельник на Пасхе; а если 5-ое число было ранее Страстной недели, то Всенощное бдение того числа отправлялось по утру. Продолжались Всенощные, как прежде, до 13 августа, исключая 20 сентября, когда отправлялась везде Всенощная, ибо это был день рождения Государя. При государе Александре Павловиче Всенощные продолжались до 15 сентября, как дня коронации государя.

В 1812 году во время нашествия неприятельского соборная колокольня в Москве, называемая Иван Великий, была повреждена. После выхода неприятелей из Москвы московские колокольни при церквах производили благовест к службе Божией не по голосу Ивана Великого, как прежде было, а применяясь ко времени, как бывало Иван Великий благовестил. Когда Пр. Августин из Сретенского монастыря перебрался на жительство в Богоявленский монастырь, то предписанием от 6 янва 1813 года объявлено московским священноцерковнослужителям, чтобы благовест при церквах к Божественной службе не прежде начинали, как начнется благовест в Богоявленском монастыре. По освящении Архангельского собора 1 Февраля 1813 г. благовест и звон для Архангельского собора, и в сигнал к благовесту в прочих церквах, велено производить на колокольни Чудова монастыря. В конце 1813 года, когда два большие соборные колокола повешены были на столбах, и в первый раз 12 декабря того же 1813 г. произведен благовест и звон на Ивановской колокольне, то народ столько был тем обрадован, что, как доносил Пр. Августин Св. Синдоду, скинул шапки и творил земные поклоны. По устройстве благовеста соборного при Иване Великом, пр. Августин, подобно своим предместникам, ревновал, чтобы при московских церквах благовест начинали не прежде благовеста соборного. Так, в 1813 году апреля 8 пр. Августин упрекал Московское духовенство, что оно в Великую Четыредесятницу, к стыду своему как бы тяготясь трудом пощения, начинало благовест к божественной службе прежде благовеста на Ивановской колокольне, и предписал благочинным обязать священноцерковнослужителей московских церквей строжайшими подписками, чтобы не прежде начинали благовест, как по благовесту соборному. Присовокупим к сему сведение о большом колоколе на соборной Ивановской колокольне.

Государь Александр Павлович, в пребывание свое в Москве в 1816 году, объявил пр. Августину свою волю, чтобы повредившийся при падении соборной колокольни (Филаретовской башни) большой колокол, называемый Успенским, был перелит, чтобы к колоколу, называемому Реутом, вместо отшибленных ушей приделаны были новые, и чтобы как сии два колокола, так и другие два, висящие под деревянным шатром на столбах, повышены были на колокольне, вновь устроенной. Дело это поручено пр. Августину вести по сношению с графом Аракчеевым, который должен был прислать искусных мастеров, как для поднятия колоколов, так и для перелития Успенского колокола и исправления Реута. Государь хотел, чтоб и большой колокол, находившийся близ Ивановской колокольни в яме, был из оной вынут, и поставлен в приличном месте под шатром.

Но еще прежде указом Св. Синода от 3 февраля 1814 года предписано было освидетельствовать колокола на Ивановской колокольне, и Синодальная контора сделала уже торги как на переливку Успенского колокола, так на исправление Реута и на поднятие колоколов на Ивановскую колокольню, и производство сего дела на торгах осталось за московским купцом М. Г. Богдановым, который обязался перелить Успенский колокол на своем в Москве заводе, привезти колокол к Ивановской колокольне и поднять вместе с Реутом и двумя висящими на столбах под деревянными шатрами близ Архангельского собора, всю работу кончить к августу 1817 года.

Присланный графом Аракчеевым для переливки Успенского колокола и прочего колокольного дела, литейных дед мастер 14 класса Русинов отказался от дела сего, объясняя, что: ему нужно для сего устроить новый завод, на что потребна значительная сумма; он не найдет способных людей для работы, и в случае неудачи в переливке колокола, казна может потерпеть убыток.

Дело осталось за купцом Богдановым, а Русинову поручено наблюдать за добротой металлов и исправностью работы.

15 декабря 1816 г. князь А. Н. Голицын уведомил, что государь утвердил отдачу переливки колокола и прочего купцу Богданову.

Пр. Августин, с своей стороны, по делу перелития Успенского колокола составил комиссию из лиц: симоновского архимандрита Герасима, высокопетровского архимандрита Лаврентия и чудовского наместника игумена Феофилакта, которые в январе 1817 г., с разрешения преосвященного, формально заключили контракт с купцом Богдановым.

Успенский колокол, назначенный для перелития, первоначально вылит был, как объяснялось в надписи на нем, в 1760 г., при государыне Елизавете Петровне в 19-е лето ея царствования. Имел на себе изображения Спасителя и Успения Божией Матери и портреты царской Фамилии. Весу в нем, по надписи, значилось 3351 п. Но по разбитии оказалось, что противу надписи в нем не доставало 88 пудов 6 фунтов.

Лил колокол цеховой Алдерман Слизов. Новый колокол благополучно вылит на заводе купца Богданова апреля 5 дня 1818 года, привезен к Ивановской колокольне уже в 1819г. февраля 23 дня. Пр. Августин, много заботившийся об устройстве большого колокола, не дожидая до времени поднятия его на Ивановскую колокольную. Он скончался 3 марта 1819 года, а большой колокол, привезенный к Ивановской колокольне, оставался при колокольне не поднятым, потому что брусья, приготовленные на колокольне для повешения колокола, оказались, по освидетельствованию архитекторов, ненадежными. По устранении препятствий, колокол 29 августа 1819г. поднят на колокольную и 14 сентября повешен. 15 сентября, в день празднования коронации государя Александра Павловича, произведен в него первый благовест к Божественной Литургии. М.Серафим, сообщая о сем министру духовных дел, князю А. Н. Голицыну, писал: „Сие чрезвычайно обрадовало московскую публику, любящую большие колокола“. С того времени московский благовестник возвещает жителям Москвы торжественные дни.

Покойный высокопреосвященный митрополит Филарет, всегда строгий блюститель церковного порядка, не раз делал предписание московскому духовенству о неблаговесте при церквах прежде благовеста соборного, особенно в день Пасхи. Он указывал и лучшие способы к сохранению порядка. Так, в 1847 году в 1 день Пасхи 23 марта при одной церкви в Москве к Утрени начался благовест четвертью часа ранее соборного. По дознанию оказалось, что пред Пасхальною Утрению староста этой церкви послал церковного сторожа засвечать плошки на колокольне, а сторож подумал, что он послан благовестить к Утрени. С его благовеста начался благовест и при других церквах. Владыка по сему случаю написал в резолюции: „Неприятно и то, что в великий день не соблюдено свойственного ему порядка и благообразия, и то, что народу, обманутому безвременным благовестом, сделано затруднение“. Относительно настоятелей церквей, учинявших не благовремение благовест, в резолюции написал: “Настоятельно убеждаем их впредь 'быть бдительнее и не допускать беспорядка, которого о остеречься не трудно”. Для сего велел настоятелям московских церквей, с точностью наблюдать, чтобы начатие

благовеста к Утрени Пасхи поручаемо было известному причетнику с ответственностью за соблюдение порядка, а отнюдь не кому-нибудь постороннему, и чтоб он или имел при себе верные часы, или шел на колокольню с верными часами у настоятеля, дабы, если бы и ошиблась одна церковь, другия не увлекались ошибкою.

В 1830 году марта 15, по резолюции владыки, составлено и дано в каждую церковь в Москве печатное „Указание времен церковного богослужения по уставу Московского Большого Успенского собора". В указании подробно показаны часы благовеста на все дни года:

а) к Утрени и Всенощной,

б) к Литургии,

в) к Вечерни с объяснением, между прочим, когда начинать благовест в Великий пост к часам и Литургии Преждеосвященных.

В указании изяснено: с особенною осторожностью должно наблюдать, чтобы благовест к Утрени в день Пасхи нигде не был начат прежде Успенского собора. Все прочие церкви должны выслушать первый удар Успенского колокола и по второму начинать свой благовест.

Благовест к Утрени и Литургии позже соборного не возбраняется для тех церквей, где сие вошло уже в обычай.

Благовест ранее соборного по причине храмовых праздников может быть допускаем по особому разрешению.

Благовест к ранним Литургиям, за исключением дней, в кои бывают крестные ходы, должен быть непродолжительный, в меньший колокол, и должен оканчиваться не позже, как за час до времени благовеста к поздней Литургии.

По печатному указанию доселе благовест в московских церквах соблюдается.

Молитвы перед началом звона

Начало обычное

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй нас. Аминь.

Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняи, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Святыи Боже, Святым Крепкий, Святыи Безсмертныи, помилуй нас. *(Трижды)*

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша, Снятыи, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

Господи, помилуй. *(Трижды)* Слава, и ныне:

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Тропари

Помилуй нас, Господи, помилуй нас; всякаго бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву яко Владыце грешнии приносим: помилуй нас.

Слава: Господи, помилуй нас, на Тя бо уповахом; не прогневайся на ны зело, ниже помяни беззаконий наших, но призри и ныне яко благоутробен, и избави ны от враг наших, Ты бо еси Бог наш, и мы людие Твоя, вси дела руку Твоею, и имя Твое призываем.

И ныне: Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющийся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианскаго.

Господи, помилуй. *(12 раз)*

Молитвы во время звона

Псалом 50

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих; яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти. Се бо, в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Се бо, истину возлюбил еси; безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя иссопом, и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселие; возрадуются кости смиренныя. Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом Владычним утверди мя. Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся. Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего;

возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою. Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельцы.

Символ Веры

1 Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

2 И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.

3 Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася.

4 Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.

5 И воскресшаго в третий день по Писанием.

182

Приложение

6 И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца.

7 И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

8 И в Духа Святаго, Господа, Животворящего, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки.

9 Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

10 Исповедую едино крещение во оставление грехов.

11 Чаю воскресения мертвых,

12 И жизни будущаго века. Аминь.

После звона

Достойно есть

Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без нетления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем.

Старые меры длины и веса

Верста (500 сажений) = 1,0668 км

Сажень (3 аршина) = 2,1336 м

Аршин (16 вершков) = 71,12 см

Четверть (аршинная) - 18 см

Пядь (4 вершка) = 17,78 см

Вершок = 4,45 см

Брасс (5 футов 9дюймов) = 1,7526 м

Фут (12 дюймов) = 0,3048 м Дюйм - 2,54 см

Линия = 12,54мм

Гран = 62,2 мг

Золотник = 4,266 г

Фунт (96 золотников) = 409,51 г

Пуд (40 фунтов) = 16,38 кг